

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВСКАЯ

Остров
Ржевский

Ольга Григорьевская
Остров Ржевский

«Издательские решения»

Григорьевская О.

Остров Ржевский / О. Григорьевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900112-2

Эта женщина была лучшим, что случилось в жизни Григория Ржевского, но ее оглушительное «прощай» разрушило его жизнь. Спасаясь от любовной боли, Григорий отправляется в путешествие по таинственному португальскому острову, готовый менять имена, профессии, разминать годы и всматриваться в сменяющие друг друга женские лица. Но станет ли это путешествие его спасением или ошибкой всей его жизни? И как быть, если прежняя любовь внезапно опять возникнет на пороге?

ISBN 978-5-44-900112-2

© Григорьевская О.
© Издательские решения

Содержание

Адвокат	6
Официант	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Остров Ржевский

Ольга Григорьевская

– А если это мышеловка? – спросил Мэллинсон. И Барнард тут же нашелся с ответом.

– Милая теплая мышеловка, – сказал он. – А в ней кусочек сыра. После этого я готов и умереть.

Джеймс Хилтон. Потерянный горизонт

Дизайнер обложки Екатерина Сидорова

Редактор Наталья Ухабова

© Ольга Григорьевская, 2017

© Екатерина Сидорова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0112-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Адвокат

1

В этот день мне, адвокату, было двадцать шесть, и звали меня Григорием Ржевским. Назавтра я стану безработным бродягой без возраста и имени – на такие каверзы порой способна жизнь.

Было самое начало осени: ветер сквозь тонкие ткани плащей, графитовое небо, желтеющие челки берез. Игорь нетерпеливо вертел в руке телефон и не сводил глаз со здания суда. Он ждал своего сына, адвоката.

Выйдя из-под арки судебного здания, я втиснулся в отцовский автомобиль и шумно вздохнул. От неуютности поерзал на сиденье – колени уперлись в приборную доску. Сдвинул брови, наблюдая, как напряжен отец, кашлянул, чертыхнулся.

- Папа, вот только не надо так нервничать, прошу тебя, – нарушил я молчание.
- Это моя внучка, – с упреком возразил Игорь.
- Это моя дочь, – счел нужным уточнить я. – Но я-то спокоен – посмотри.
- Вижу, – откликнулся отец.
- Что ты имеешь в виду?

Я отвернулся к окну, уязвленный его намеком. Я чувствовал себя смертельно уставшим от мелких забот – вот как сейчас, когда Лиза заболела, и мы с отцом, бросив все, поехали за пятьдесят километров, чтобы услышать от врачей, что ничего серьезного. Моя бывшая жена напутала, перестраховалась, зря только всех переполошила – видимо, назло мне. Было время, когда она все делала назло мне, даже жила.

Два часа спустя в больнице я равнодушно поглядывал по сторонам, пока Ржевский-старший выяснял у лечащего врача, каково состояние девочки. На секунду, не больше, когда отец развернулся и пошел мне навстречу – глаза опущены, словно утонули где-то за оправой очков, под валиками густых бровей; исполинская ладонь обхватила подбородок, едва видна в мрачно-угольной седоватой чашобе – я ощутил, как холодеют пальцы рук.

- Что, папа?
- Отец отмахнулся.
- Воспаление легких. Все будет в порядке, ей уже лучше.
- Ну а чего ты тогда меня пугаешь?

Я предложил ехать: с Лизой все хорошо, родительский долг явления по первому зову исполнен, дома ждет столько дел – нас обоих ждет, не меня одного. Но отец медлил, крутился на мысках туфель, делая вид, что читает больничные проспекты в коридоре.

– Я пойду, Гриша, еще раз спрошу. Может быть, мне разрешат заглянуть к ней на минутку.

Я кивнул и направился к выходу.

У него получится, он их убедит. Он умеет убеждать, этот Ржевский-старший. Красавец, высокий, сильный, лицо открытое, глаза внимательные, добрые. Осанка королевская, королевская дужка черных соболевых бровей. Щегольская борода, чуть седая, немного седины и по вискам, а в целом – вполне еще брюнет. Женщинам он страшно нравился, до того даже, как начинал говорить, а уж когда заговаривал – умел очаровать любую.

Я остановился на парковке чуть поодаль от отцовской машины и закурил. Мне бы хоть на один день обаяние отца, хоть на пару часов. Выиграть это проклятое дело в суде, а затем прийти к Ане и... И что? Все так запуталось, я и сам не знал уже, чего хочу от Анны.

Сигарета истлела. Накрапывала противная кусачая изморось. Нет, никакое обаяние не поможет, никакие отцовские чары.

Игорь выскользнул из больницы, по-прежнему задумчивый, и сказал:

– Когда мне было четыре года, мой старший брат тоже схватил пневмонию. Открылся абсцесс, осложнение на желудок. Я, как сейчас помню, вертелся вокруг матери: «Когда же Гриша поправится? Хочу играть с Гришей!» Не поправился... Его Гришей тоже звали, ну да ты знаешь.

Я закашлялся.

– Папа, что с тобой такое, в конце концов? Хочешь довести себя и меня заодно?

Изморось превратилась в простыню дождя. Я торопливо сел на водительское место, зло вдавил кнопку на руле, и по стеклу зачастили дворники. Всю дорогу до дома мы промолчали, не глядя друг на друга и едва ли друг о друге думая.

Жили-были два города, два близнеца: город Р. и город Б. Оба стотысячники, новостройки с детскими площадками в центре, отдельный сбор мусора и свежая разметка дороги. Обветшалые пятиэтажки на окраине, запах скисшего молока и огрызков. Самые обычные города – город Р. и город Б.

Езды между ними – десять минут, и я, Григорий Ржевский, проделывал этот путь ежедневно – жил в Р., но собственного городского суда там не было, поэтому все судебные дела, над которыми я работал, разбирались в здании суда города Б.

Когда мы вернулись из больницы, над городом Р. уже садилось солнце – где-то там, под ватным одеялом туч. Припарковавшись возле родительского дома, я вручил отцу ключи и распрощался с ним.

До ближайшей остановки прошел два квартала пешком. Прекратившийся было дождь принялся накрапывать вновь. В шею вонзались струи ледяного ветра – заметно похолодало. Я поднял ворот плаща и прибавил шагу.

На мокрых улицах ни пешехода. Один неосторожный водитель едва не окатил меня грязью из глубоких луж в рытвинах на обочине, да еще ожила вечерняя торговая иллюминация, несколько фонарей вдоль тротуара, облысевшие верхушки деревьев в аллее у фонтана – а в остальном город казался пустым.

Как всегда, не без ухмылки миновал я центральную площадь. Над северным порталом – огромная растяжка, лоснящаяся глянецом мокрого пластика: «Забота о людях – забота о городе. Голосуйте за Игоря Ржевского!» – и отцовское фото до пояса с фирменной обаятельной улыбкой донжуана. Через четыре дня выборы мэра, Игорь Ржевский не имеет права проиграть. Он слишком долго шел к этому.

А если все же проиграет? Я хохотнул, подзывая желтую буханочку такси.

– В город Б., на Римскую улицу.

Вопрос казался настолько решенным, что у меня не имелось предположений, как быть, если в понедельник мэром назовут не отца. Вдруг стало невыносимо жаль Игоря, ведь, черт побери, такое способно сломать человека, раскрошить его. Нет, он должен выиграть выборы.

На улице Римской города Б. – странная компания: через дорогу от натальной клиники подмигивал вульгарно электрической вывеской полупогреб бара «Римские каникулы». Ему не шло его название, как и соседство с роддомом, но из окон бара открывался хороший обзор на здание напротив, и это было главным для меня.

Дугина я заметил сразу. Иные коллеги ни за что бы не признали в непринужденно усадившем к себе на колени местную красотку папике члена коллегии адвокатов, юриста с многолетним стажем и количеством судебных нокаутов, что у чемпиона мира в тяжелом весе. Девчонка, смеясь, ухватила когтистой рукой Дугина за подбородок, как раз когда я поприветствовал его и опустился рядом на диван.

– Выпьешь? – Дугин раздраженно отмахнулся от красотки и велел ей убираться. – Так держать, сынок.

– Конечно, папаша, – я выдохнул устало.

Коварная зубастая улыбка тонула в густой тени капюшона дугинской фуфайки. В ней, в растянутых штанах от спортивного костюма он гораздо больше походил на местного наркокурьера, чем на того, кто мог бы защищать такого пройдоху в суде. Дугину это нравилось – не привлекать к себе внимания, и хотя большинство обитателей Нижнего Б., в том числе бара на Римской улице, знали юриста как родного, сказать наверняка, высматривает он здесь что-то по делу или просто пришел отдохнуть, не мог никто. Его опасались, уважали, с ним стремились дружить, хотя – всем известный факт – дружба для него была едва ли не оскорбительным понятием. У Михаила Дугина («Запомните это, детки», – любил говорить он забывшимся приятелям из контингента Нижнего Б.) не бывало друзей и не будет.

– Ты ко мне пришел или... – тут Дугин качнул лениво указательным пальцем в сторону роддома, – снова станешь плясать под окнами Дульсинеи?

– Не стану я плясать под окнами Дульсинеи, – я сторбился и в один глоток осушил протянутый мне бокал. Янтарная горечь виски на мгновение ослепила, разлилась по груди. – Хочу только одного сейчас. Напиться.

– И забыться, – кивнул Дугин. Его хищный оскал продолжал поблескивать под разжатыми губами. – Кто же тебе, малыш, мешает? Хочешь – напивайся, на здоровье!

И он подвинул с этими словами, пропитанными усмешкой, бутылку к моему бокалу. Я посмотрел ему в глаза, будто на что-то решаясь, и потянулся за виски. Дугин расхохотался довольноно.

– Несите нам еще, мы этой не ограничимся! Ну, рассказывай, чего у тебя там, Григорий.

Я застыл в задумчивости. Сегодня ночью мне предстояло совершить поступок, пугавший меня самого. Как же дошло до тупика, черт возьми, с чего началось?.. Ах, да, Анна, все началось с нее.

Забыв о Дугине, я погрузился в воспоминания...

2

Если бы не дождь в тот злополучный день и Анна не ловила бы такси, нервно перебирая пальцами пуговицы блузки, неприлично мокрой, липнувшей в груди... Если бы не ее ослепительная красота на почерневшей улице, грозowymi раскатами, как фанфарами, возвеличенная, непостижимая... Если бы в тот злополучный день – не злополучнее прочих в действительности – не возвращалась она так поздно домой со съемок рекламы, с шикарной прической и макияжем, каких не носят в жизни простые смертные женщины, в сильный дождь и холод... Если бы я был с ней в ту ночь, если бы знал, как нужно остерегаться...

Но кто-то другой опустил стекло, позвал ее, укрыл, напоил допьяна горячим чаем. Рассказал ей, как она красива, и она сдалась.

– Скажи мне, что это случилось не сразу. Ты ведь не могла так быстро, так просто. Ты же не из таких, Аня...

Я никогда не задал бы ей этого вопроса в лицо – оскорбить, обидеть, отвратить от себя еще больше. Но мысленно и даже вслух – тысячи раз, пустому отражению в зеркале ванной.

Снова увидеть бы, как по белой наволочке скользят, повинуюсь движениям сна, каштановые пряди, путаются в моих пальцах, подставленных нарочно, будто первый шаг в любовной игре. Так я ласкал ее волосы в ночь, когда две бутылки пива после очередного проигранного Дугину дела, загорелые сочные бедра и призывно изогнутая линия груди утянули меня в вязкий омут наслаждения.

– Угостите? – улыбнулась она и откинула челку со лба, облизала губы, застыла вполоборота. Соблазнительная – боже, как от нее пахло желанием! Не было сомнений – я поймею ее сегодня же. Вручил ей сигарету вместе со своим именем.

Она ухмыльнулась, изогнула кукольно-тонкие брови:

– Анна.

Пару коктейлей спустя я расплатился с барменом и выскочил в темноту переулка. Руку девушки я крепко сжимал в своей; оглушительная музыка резко сменилась полупшепотом ночи, и под соло ночной тишины Анна впервые наполнила своим дыханием мои легкие, в то время как я обнял ее.

Мы ждали такси, мой язык, глубоко погруженный в мягкую влажность за ее губами, шарил нетерпеливо, вдруг она оторвалась от поцелуя и спросила:

– Ты далеко живешь?

Напряженная грудь вздымалась рывками, губы припухли, по щекам плыл румянец. Прикрыла глаза кокетливо.

«Почему я не встречал эту нимфу раньше? Иди ко мне ближе, прижмись бедрами – чувствуешь? Ты такая красивая... Я раздену тебя еще в коридоре, как только мы войдем в квартиру. Первый раз я возьму тебя на полу: твои руки отведу в стороны, но ты непокорно обхватишь меня за спину, будешь тяжело дышать, запрокидывать голову, будешь кричать, стонать и снова кричать. Потом еще раз, в моей постели, – я буду нежен с тобой; я захочу быть нежным, и ты, податливая, как воск, не сможешь сопротивляться. Опустись, целуя, не отводя взгляда, следя с надменным торжеством, как меня поднимает выше, сильнее. Потом, среди ночи, я еще не раз переверну тебя к себе, уже без сил, но по-прежнему желая. Я хочу, чтобы ты была вот так со мною много ночей подряд... Да где же это чертово такси?»

Мне не наскучило ни назавтра, ни через неделю. Анна осталась в моей простой квартирке и наполнила ее настоящим смехом до слез, бессмысленными списками незавершенных дел на клейких розовых листках, разбросанной по полу обувью, серпантинном браслетов и цепочек на подоконнике. Своим горчично-лилейным запахом, горьковатой страстью, шелковыми простынями, сном до полудня и сигаретным дымом в лицо. И постоянным «Я задержусь», «Не жди меня, я поздно», полуночными съемками где-то на окраине города. «Я сама», «Я на такси»... Непокорная. Мне нравилось, что я не нужен был ей каждую минуту, мы давали друг другу дышать, а иногда так здорово было прийти после проигранного дела уставшим, разбудить ее, сердитую и сонную, и целовать, целовать, уткнуться лицом в упругий смуглый живот, почувствовать, как она медленно блуждает пальцами в моих волосах, как раздевается, шепчет: «Иди ко мне».

С чего я взял, что так будет всегда? И не успел даже обдумать, надолго ли, всерьез ли этот роман, как без былой эффектности, до вульгарного буднично лопнул мыльный пузырь.

Все только началось, всего три месяца, а она уже кладет ключи мне в ладонь, просит не кричать и не мешать ей собираться, обводит взглядом комнату – ничего не забыла ли? – мимо моих воспаленных от обиды растерянных глаз, желает удачи, словно в насмешку, и уходит.

Чье это отражение в осколках зеркала? Это Григорий Ржевский или кто-то случайно на него похожий? Те же раскосые глаза в наследство от покойной казашки-матери, брови, густые и черные, на скуластом, как у Игоря Платоновича, лице, хотя не больше чем совпадение маленькому бесплеменному ублюдку оказаться похожим на усыновившего его отца. Накусанные, в корке запекшейся крови губы дрожат, и руки дрожат, в стекле и крови костяшки на левой. Правой тербит себя, думая о ней, представляя молочно-розовую нежность, влажную, манящую темноту меж разведенных бедер, запахнутые губы и частое дыхание... Когда все закончено, я опускаюсь на колени, униженный, и бессмысленно долго смотрю в пол. Я не знаю, что делать, – не знаю, что делать с отчаянием, которое сомкнулось вокруг меня лишь месяцем позже, чем за Анной закрылась в последний раз дверь.

Я увидел ее с другим мужчиной, и значит, все не просто так, не потому, что мы не подходим друг другу или пришло время расстаться, – нет, она ушла к кому-то, она ушла от меня,

из моих рук, не дав мне понять, что я чувствовал к ней, ушла от меня к другому. Я, Григорий Ржевский, в двадцать шесть лет, среди осколков разбитого зеркала, не знал, что мне делать дальше.

3

Анна – источник моей бесконечной боли... Следовало молчать, но я поведал Дугину о своей нечаянной встрече с ее новым кавалером. И завертелось.

Единственный раз, когда я позволил себе растеряться до такой степени, чтобы не явиться на работу, случился именно тогда – на следующий день после моего знакомства с этим типом. Я позвонил, сказался больным и не пошел на предварительное слушание. Знал, что иначе все придется выложить Дугину (мы снова корпели над одним процессом), его нюх бывалого заставил бы меня расколоться, хотел я того или нет. Но невыносимо было представлять, как он дает мне советы по данной части.

Впрочем, рассказать ему все равно пришлось, тем же вечером, за бокалом вина в нашем любимом ресторане. Ради беседы со мной, почуяв жареное, Дугин даже изволил приехать из города Б. ко мне в Р., заявил раньше приветствия, что намерен сегодня упиться, так что «милый мальчик», как он называл меня, пусть предоставит ему диван и чистый комплект белья. Когда я кивнул без возражений, Михаил настороженно прищурился.

– Ты что, живешь один? До сих пор?

Я скрестил пальцы над подсвеченным тусклым настольным торшером меню. Долго делал вид, что выбираю блюдо.

В конце концов Дугин выхватил папку из моих рук:

– Сам расскажешь или применить пытки? – снова расслабленно откинулся на спинку, оттопырил пиджак до подкладки (костюм на нем был хороший, дорогой, из тех, что он надевал обычно на слушания) и осклабился, предвкушая очередной повод посмеяться надо мной.

– Все еще думаешь об этой своей модели? Да, брат, похоже, задела тебя девчонка неслабо. А говорил, справишься. Ни черта ты, малыш, скажу я тебе, не справляешься. Вот уж не ожидал, что все так серьезно. – И в том же духе еще с полчаса нотаций.

– Дугин, ну прекрати, и без тебя хреново, – сдался я.

Он пожал плечами, как отмахнулся.

– Хреново, так позвони девчонке. Что ты, не знаешь, как это делается? Только не нужно потом жаловаться, что не можешь у меня выиграть. Если бы я из-за своих любовей пропускал судебные заседания, я бы тоже не смог выиграть ни одного дела.

Опять назидательный, учительский тон. Дугин был моим преподавателем в университете, именно он дотасил меня до выпуска – до встречи с Михаилом я по два раза на дню решал бросить учебу, но ему что-то понравилось в долговязом болтливом очкарике, листавшем мотожурналы на последнем ряду лекционной. Я быстро стал отличником – этот едкий и по-хитрому грубоватый педагог, эксцентричный циник, главным девизом которого в работе и жизни было «Да пошла в задницу ваша мораль!» (так и выражался с лекторской трибуны), умел одной фразой раздавить неугодного, а из меня он вознамерился сделать лучшего на потоке студента и возражений своему плану не потерпел бы.

Но дело также и в том, что Дугин сумел пробудить во мне интерес к занятиям, научил с уважением относиться к предмету, и я не кривил душой, когда ответил отцу на выпускном вечере, что не жалею о выборе профессии, о том, что пошел по его стопам.

Да, и еще Михаил стал моим другом. У него, конечно, не было друзей, как он любил выражаться, но для меня Дугин превратился в друга, настоящего. Я и сам не заметил, как из приятелей ближе всего к двадцати шести годам мне стал этот мизантропичный сорокашестилетний – ровесник моего отца – трижды разведенный алкоголик, наркоман и взяточник,

не гнушавшийся подлогом, подтасовкой фактов, психологическим давлением на социально уязвимых граждан и прочими, если не законом, то нормами совести (которой, по нашему обоюдному мнению, у Дугина не имелось), запрещенными приемами, лишь бы обставить коллегу-адвоката и выиграть дело.

Каждый раз, проходя мимо меня из зала суда, он с едва скрываемым наслаждением беззвучно, одними губами называл счет, в правой графе которого – моей – оставалось неизменное «ноль», а его цифра приближалась к третьему десятку. И неслучайно нас так часто сводила работа друг против друга: я знал, что Дугин использовал личные связи, чтобы это устроить, снова и снова играть против меня и преподавать мне очередные, теперь уже донельзя практические уроки.

У нас выходили долгие философские споры о пределах дозволенного после каждого проигранного мною ему дела. Михаил подробно объяснял мне, где и как он поступился – без тени сомнения и малейших колебаний – так называемой моралью, в какой склеп влез, чьи трусы вытащил на свет божий, какую благочестивую девственницу опорочил и как набогохульствовал, чтобы снова я платил за наш ритуальный «ужин в честь победителя». Что ж, во всяком случае со мной Дугин неплохо экономил на ужинах.

Я не мог не согласиться, что методы его, хоть и вне всяких этических рамок, неизменно оказывались куда действенней моих. Но согласиться с его методами я не мог также. Другому бы я не спустил такого, другого хотя бы попытался вывести на чистую воду, лишит лицензии, звания, громкого реноме, но Дугина я любил слишком крепко, чтоб не привыкнуть к его черной работе. Мне была известна большая часть дугинских махинаций, даже будущих, но ни один секрет Михаила никогда не ускользнул бы через меня. Совесть мою успокаивало то, что вопреки настойчивым аргументам учителя я все еще ни разу не поступился моральными устоями ради выигрыша. А он – пусть, между нами это ничего не меняло.

Лишь однажды мы крепко повздорили, я тогда погорячился: за обсуждением лицемерной добродетели разговор коснулся моего отца. В то время Игорь Ржевский только начинал предвыборную кампанию, в городе появились плакаты в поддержку будущего мэра, восхвалявшие его достоинства. Был в них, конечно, излишний пафос, но Дугин высмеял политические чаяния Ржевского слишком резко. Я бросился защищать отца, и по ехидной улыбке Дугина словно пролегла пленка ядовитой плесени.

– Ты мне-то ничего не доказывай, малец, – сказал он. – Ты папочку своего потому так любишь, что он тебя из дерьма вытащил, королевским сынком сделал. А вот вырасти ты в детском доме или в семье из шести детей, как я, ты бы пел по-другому. Ты, мой сладкий, папашу своего святым считаешь, а в мире власти святых не держат. Святым туда не добаться – пора бы уже понимать, законник как-никак и не первый год живешь на свете.

– Не говори со мной, как с кретином, – погрозил я ему пальцем. От волнения и злости челюсть моя ходила ходуном. – Ты отца даже не знаешь и попробуй только скажи про него еще что-то в таком духе. Я серьезно, Дугин, это не тот случай, чтобы я спустил тебе.

Слова мои его, казалось, осадили. Не ожидавший резкости, Михаил открыл было рот, но застыл в молчании, и в первый раз на моей памяти он поступил так.

Восхищенный действием собственной речи, я с жаром добавил:

– Ты не знаешь моего отца. Этот человек уже четверть века занимается социальной помощью. Он, в отличие от таких, как ты...

Дугин не дал мне продолжить. Может, впервые за годы нашего знакомства мне удалось задеть его за живое, непонятно каким образом.

Он взглянул на меня быстро – словно предателя, словно Цезарь Брута, полным горькой обиды взглядом пронзил и сказал:

– Только не плачь, когда обнаружишь в биографии своего папаши-филантропа какое-нибудь темное делишко. У такого, как эти святоши...

Я врезал ему, от души, в челюсть, и повалил на пол. Дугин поднялся, опешивший, но, впрочем, довольно быстро пришел в себя и, несмотря на мой высокий рост, дотянулся мне аккуратно до правого глаза.

От удара у меня потемнело в обоих глазах, и никто из нас не желал продолжать драку. Мы плюнули друг другу вслед, я искренне считал все выходные, что больше никогда не заговорю с этим идиотом. Переживал ужасно, мерил шагами комнату. Но когда наутро понедельника судья объявил начало заседания, посмотрел на наши раскрашенные рожи – дугинскую лиловую щеку и мой сине-желтый глаз – и, к немалому удивлению собравшихся, расхохотался, мы оба уже знали, что ссора наша – в прошлом.

– Рассказывай давай уже, – уставился Дугин на меня выжидающе. – Что-то ведь случилось?

Я покивал. Случилась нелепейшая история. Когда Дугин пообещал, что не будет смеяться, я поведал ему, что вчера получил сообщение с Аниного номера: «Приходи скорей, я уже соскучилась». Что я мог подумать? Несколько недель я только и убеждал себя, что наш роман закончен, но в моей голове не переставали возникать будоражающие кадры прошлого и снисходительная тусклая улыбка, которой Анна отвечала, когда была не согласна. Мы не так уж часто сходились во вкусах, мнениях. Но ведь было что-то, иначе я давно бы перестал думать о ней, что-то крепко зацепило меня – я не хотел пока смотреть на других женщин. И теперь сообщение. Может, она чувствует то же самое? Так же бродит по дому, не находя себе места, словно чего-то не хватает, важного и невыразимого словами.

Я не заставил себя ждать. Мне не пришлось собираться. В ветреную, холодную ночь выскочил в одной рубашке, за минуту доехал до города Б., подскочил к ее подъезду, на ее этаж, к ее порогу. Столько образов сменилось в моей голове, неутолимо жарких, безумных. Руки дрожали, я поднес ключ к замочной скважине, представляя, что скважина эта – Аня, а я горячим ключом вхожу в нее и открываю, раскрываю потайные двери, обнажаю и погружаюсь в нее.

Крохотная квартирка дышала прохладой (где-то в ней было распахнуто окно), тонула в вечерних сумерках. Тишина разливалась тягучим эфиром, и я чувствовал ее здесь, близко. Наощупь проскользнул в спальню, услышал ровное дыхание, запах горьких лилий, и вот она – в слабом лунном свечении по контуру тела, лежит вполоборота, нагая, призывно раскинулась в дремотной неге. Я медленно приблизился, стянул с себя одежду, осторожно лег рядом. Она перевернулась на бок, спиной ко мне, я обхватил ее за талию и принялся ласкать плечо, целуя.

– М-м-м, у тебя холодные руки, – прошептала она капризно и потерлась щекой о подушку.

Я хотел ответить какую-то глупость о горячем сердце, но не успел и рта раскрыть, как услышал звук спускаемого сливного бачка, дверь ванной распахнулась, и в преддверии спальни возникла фигура. Казавшаяся романтической сцена за секунду превратилась в фельетон, помноженный на драму.

Шаги за нашей спиной услышала и Аня, ее реакция была мгновенной. Поднялась на локтях, развернулась ко мне, ошарашенно вскрикнула, отпрянула:

– Гриша! – и взгляд устремила на него, уже стоявшего в полуметре от нас.

Пока она стыдливо прикрывалась одеялом, развернулся и я. Что это за голый мужик в квартире моей Ани? Стоит, поигрывая желваками, взгляд бешеной собаки, готовый к прыжку. Мощные плечи, накачанная грудь – рванулся ко мне, только и расслышал я за женским криком его яростное: «Да какого?!»

Чтобы прекратить драку, Анна схватила с пола стеклянную вазу и бросила ее о стену. Мы оба застыли, два голых дурака в позе боксеров. Никто не понимал, что вообще происходит здесь.

– Хватит! Хватит, остановитесь! – Анна сделала шаг ко мне, одной рукой придерживая на груди одеяло, и вгляделась в мои глаза. – Ты что, пьян?

Я замотал головой. Все больше события напоминали дикий фарс.

– Как ты попал сюда?! Потому что, – она перевела взгляд на разъяренного брюнета, – ты же не думаешь, что это я его впустила?

– Ты написала мне эсэмэс, – уже и сам себе не веря, осторожно сказал я.

– Что?! Сошел с ума?! Андрей, он рехнулся, не слушай его. Не писала я тебе никаких эсэмэс!

Я сделал предостерегающий жест сопернику, наклонился к лежащим на полу джинсам и извлек из кармана телефон.

– Вот, пожалуйста. Кто это писал, если не ты?

Она взгляделась в экран глазами, полными ужаса, снова и снова перечитывая короткий текст, потом с трудом оторвала взгляд, посмотрела на нас по очереди. И ведь не верила еще, потянулась к сумочке, достала свой телефон.

– Боже мой... Похоже, это и в самом деле я, – улыбнулась виновато, как нашаливший ребенок. – Простите.

Потом, когда мы оделись, неловкость Анны исчезла, она смеялась над глупостью, с которой позабыла стереть мой номер из телефонной книжки или по крайней мере сменить звание «Любимый» на менее нежное. Думала, что пишет своему Андрею, а позвала меня. К тому времени Андрей и сам явился, без всяких эсэмэс, но Анне и в голову не пришло, что он не получал ее сообщения. Она извинялась, но со смехом, и не становилось легче от подобных извинений.

Было ясно, что лишний тут я, маленькие злые глаза Андрея буравили меня, язык перекачивался от щеки к щеке, он то и дело звучно хмыкал, обозначал свое присутствие.

Мне не оставалось ничего другого, как извиниться в свою очередь перед Аней и уйти. Она с таким очевидным облегчением провожала меня до двери, что я подумал: тем лучше, что у нее кто-то есть, что меня так унизили. И испытал даже ненависть к ней.

Двери лифта еще не закрылись, как я услышал:

– Эй, ты, стой, – Андрей подошел ко мне и состроил гримасу, выкатив нижнюю губу, качнув подбородком. – У тебя есть ключи от ее квартиры?

– Ах да, – я потянулся к карману, снял с цепочки ключ и вручил ему. – Остался по старой памяти. Я и забыл его вернуть, когда мы... И вот сегодня, хм, пригодился.

Сделал вид, что смеюсь, а он лишь презрительно спустил взгляд до самых моих ботинок. Показалось на мгновение, сейчас плюнет на них и выругается в стиле мелких мафиози из фильма. Он был примерно одних со мной лет, среднего роста, гораздо мощнее, спортивнее меня. И от него веяло хладнокровной уверенностью в своем превосходстве.

– Не попадайся мне больше на глаза. Слышишь, ты?

– Пытаешься мне угрожать? Может, давай прямо здесь разберемся? – расхорохорился я.

– Проваливай, неудачник, – он похлопал по двери лифта и ушел обратно в квартиру.

А я остался стоять и смотрел ему вслед. Неудачник и есть, что тут скажешь.

Дугин слушал меня серьезно лишь до середины рассказа. Начиная со звука сливного бачка, он хохотал без остановки, в полный голос и мощь легких. Мой лучший друг, Михаил Дугин.

4

Младшему сыну Игоря и Ларисы Ржевских Егору через неделю должно было исполниться десять лет. Подготовка к празднику достигла оглушительных размахов, и каждый раз, приходя в родительский дом, я хватался за голову от очередных идей матери.

– Папа, – говорил я, пока нас никто не слышал, – она свихнулась со своим Егорушкой. Что за королевский бал, зачем? Мальчишке всего десять, соберите его одноклассников,

ребят со двора – он будет счастлив. Кому нужны помпезные празднества? Ну ты-то хоть скажи Ларисе!

Отец кивал и слабо улыбался. Сказать Ларисе он, конечно, мог, но много ли в том будет проку, мы прекрасно знали. Для нее закатить лучший детский праздник года значило не потерять лицо, еще раз подтвердить себе и обществу, что Ржевские – семейство высшего порядка, элита города Р. Не было сомнений, ей ни капли не доставит радости вся та пышность, с которой станут чествовать именинника, но она просто не могла иначе жить. Для Ларисы демонстрировать свою исключительность было единственным вариантом нормы.

Я бы никогда не признался, как на каждом шагу непроизвольно сравниваю собственное детство с детством брата и нахожу, к досаде своей, что Егорка гораздо счастливее в этом возрасте. Не потому ли иногда я почти верил обвинениям Ларисы в том, что совсем, совсем не люблю младшего?

Но это гораздо сложнее, чем пыталась измыслить Лариса. Когда-то она была мне добрым другом и заботливой мамочкой, с тех пор я подрос, а чувства ее изменились. Никто из нас не сказал бы с уверенностью, как эта трещина возникла и почему мы – отец, Лариса, я – позволили ей расползтись по крепкому шару, разрушить его цельность и ровный ход. Однажды мы все почувствовали, что мама не любит меня, больше не любит или никогда и не любила, но продолжали еще много лет вежливо изображать счастливую семью. У них появился Егорка, я, шестнадцатилетний, остался наедине со страхом снова оказаться на обочине. К счастью, Игорь Ржевский продолжал по-прежнему чуть отстраненно заботиться обо мне. Возможно, мы даже стали ближе с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, в доме появился новорожденный, а Лариса – кстати, до шестнадцати лет я звал ее мамой – меня разлюбила.

Переполох начался с того, что отменилось выступление мима. На кой черт десятилетке мим, Ларису не заботило, главное, что выписанный из столичного театра артист вероломно разрушил ее идеальный план праздника, и вот теперь, меряя быстрыми шагами беседку перед домом, Лариса сыпала угрозы в телефонную трубку, сбрасывала номер, набирала другой и снова начинала угрожать. Наверное, грозилась засудить их всех, подтверждала серьезность намерений количеством юристов в нашей семье – мне из второй беседки в противоположном конце сада не было слышно. Она не кричала – Лариса никогда не повышала голоса, даже самые ядовитые из проклятий посылала четко отрепетированным сдержанным сопрано, похожим на змеиное шипение. Когда-то я пугался, если она становилась такой, но уже много лет, как недовольство мной вошло у нее в привычку, и я тоже привык, перестал ощущать действие яда.

Я докуривал вторую сигарету, поджидая отца (было ветрено, скорей бы ему уже выйти), и глядел в сторону разъяренной Ларисы, надеясь, что она не заметит меня. Пучок медно-рыжих волос покачивался взад-вперед под куполом беседки, ворот ее блузы из-под песцовой накидки, пар от поверхностного резкого дыхания.

«Лучше бы им найти ей мима, для их же блага», – посмеялся я про себя.

За моей спиной раздался топот детских ножек, и в беседку влетел кучерявый Егорка в пижаме и домашних тапочках.

– Офонарел, простудишься же!

Он еще не успел добежать до меня, чтобы по обыкновению вцепиться куда-нибудь мне под мышки, шепелявя восторженно: «Гриша, Гриша пришел», как застыл под строгим взглядом старшего брата.

– Иди отсюда быстро! В одной пижаме, додумался!

Мальчик качнулся в нерешительности, хотел улыбнуться, но понял, что я не шучу, и поплелся обратно. Голова опущена понуро, будет плакать наверняка.

Пусть идет, не до него сейчас. Еще, чего доброго, эта женщина заметит, явится, начнет свои речи: «Ты не то, ты не это...» Подумать только, меня, двадцатилетнего мужика, до сих пор отчитывала мамочка.

– Если б ты еще хоть на минуту задержался, я бы ушел один, – сказал я отцу, когда он наконец появился и мы отправились выбирать именинный торт. Сегодня за рулем был я, и он предпочел сесть сзади, по дороге сделал несколько рабочих звонков.

– Зачем ты накричал на брата? – между двумя из них спросил отец как бы невзначай.

– Он ревел?

Папа кивнул.

– Плакал под столом в гостиной, когда я уходил. Каких глупостей ты опять наговорил ему?

Я даже не пробовал защищаться. В этой семье все были уверены, что я ненавижу младшего брата. Начала, конечно, Лариса с причитаний, как бы я не навредил обожаемому сыночку, как бы дурно не повлиял на него. Ее презрение ко мне было так велико, что застило глаза, скрывая очевидную истину: мне нечего было делить с Егором. Мне не за что было ненавидеть его.

Мы в одной лодке, из одного теста – сироты, спасенные добрыми дядей и тетей. Он подкидыш из приюта, двухмесячным оказался в dolcevita семьи Ржевских. Я, до того, как стать Ржевским, успел хлебнуть горя сполна. Мне было почти десять, когда транзитом через детский дом, полгода в котором показались мне адом, мое тщедушное тельце перевезли в огромный трехэтажный коттедж за городом, где у тебя своя комната, постель, ящик с конструктором лего и миниатюрный глобус. Где кормят несколько раз в день и все время разными блюдами, а хлеба столько, что можно брать и еще, если захочется, даже по три кусочка. Третий я обычно незаметно прятал в карман брюк, а затем хранил под матрасом в своей спальне, на всякий случай. Жизнь приучила меня ко всяким случаям.

Не помню, чтобы я когда-то наедался досыта, пока была жива мама. Воспоминания о ней теперь казались далекими и тусклыми, и я не жалел, что ее больше нет. Что за ужасные слова! Нет, жалел, конечно, но не скучал по ней, как по чему-то потерянному, реальному. Порой она словно была выдуманной героиней сказки, святой, пожертвовавшей своей жизнью ради другого.

Маму задавил автомобиль с пьяным водителем за рулем. Она сама бросилась под колеса, оттолкнув беременную женщину, на которую ехала тараном набиравшая скорость машина. Беременной женщиной была Лариса Ржевская, ребенка она вскоре потеряла, но все-таки осталась жива. После очередного выкидыша – шестого, так уж трагично было устроено что-то у нее внутри – они с мужем прекратили попытки завести своих детей, а тут оказалось, что погибшая спасительница оставила после себя сына, никому не нужного кареглазого щуплого мальчишку, запуганного и молчаливого: до десяти лет я почти ни с кем, кроме матери, не общался, все время проводя в нашей комнатке в общежитии, – мама запрещала мне выходить, когда ее не было дома, а не было ее слишком часто, если не сказать – постоянно, особенно по ночам.

Так моя судьба решилась: Ржевские усыновили маленького Гришу – из милости, из благодарности к маме или из чувства вины перед ней, я не знал. Но мне известно (и этого не знал отец), что он был против моего усыновления. Я и сам догадывался по тому, как он вел себя со мной, что Ларису мое появление в доме радовало гораздо больше, и все же Игорь никогда не пренебрегал обязанностями родителя, щедро тратился на меня, водил к врачу и в школу, но была в его отношении ко мне какая-то обреченность, словно нас, двух пленников, насильно поместили в тесную клетку, обрекли на совместное существование.

Помню, как болезненно изменилось его лицо, когда я впервые, дрожа от волнения, решился назвать их «мама» и «папа». Я жил у Ржевских уже пять месяцев, наконец перестал бояться, что меня вернут в интернат, испытывал благодарность, и первые ростки любви пробивались сквозь мерзлую почву детской застенчивости. Лариса потом еще неделю рассказывала каждому встречному, как неожиданно, робко, тихо я произнес «мама» и покраснел до кончи-

ков ушей. Лариса заплакала, заплакала от счастья, когда я назвал ее мамой впервые. Теперь в это сложно было поверить.

Годом позже они, считая, что я не слышу, проговорились, как все было на самом деле. В одной из постоянных ссор добрались до взаимных упреков, большая часть которых ребенку не была ясна. Но я услышал, прячась за дверь в кабинет, как Лариса заявила мужу, что до сих пор не забыла его попыток помешать ей усыновить меня и того, как пришлось унижаться перед ним, умоляя разрешить ей взять мальчика. Стало быть, он выступал против. К чести своей, Игорь никогда не сделал ничего, что указало бы мне на это. Думаю, время научило его любить меня, хоть немного. Я предпочитал верить в это, но никогда не забывал, что он выступал против.

Помнил и теперь, посматривая украдкой на отцовский профиль в отражении зеркала. «А был ли он против Егора?» – подумалось мне. Глупость, пустое.

В кондитерском салоне, куда Лариса ни за что не пропустила бы визита, если бы не формажор с мимом, нас до отвала накормили сладким, и к каждому кусочку прилагалась скучнейшая лекция о его составе и вкусовых прелестях, будто их, вкусовые прелести, мы не могли уловить сами на вкус.

Наша консультант, строгая рыжеволосая дама слегка за тридцать, с откровенным неодобрением смотрела на меня каждый раз, когда я пытался шутить над ее серьезностью в подходе к вариациям тортов. Отец осаждал меня ради приличия, но и сам улыбался, отводя взгляд.

– Если вам неинтересно, – не выдержала наконец консультант, – я могу не рассказывать. Просто выберите, что понравится, и к запланированной дате мы...

Дама чем-то напоминала мне Ларису: такая же маска надменной серьезности, липового эстетства, печать превосходства на бесчувственном лице.захотелось схватить ее за плечи и потрясти хорошенько.

– Нам очень интересно, – скучающе зевнул я. – И потом, вам ведь за все заплатили, так что продолжайте. Вперед, эй! Как, вы сказали, этот называется – «Ореховая лагуна»?

Она поджала губы, развернулась и вышла из дегустационного зала. Костяшки ее пальцев белели на сжатых кулаках.

– Зачем ты это сделал? – спросил отец.

– Что сделал?

– Обидел ее.

– Думаешь, она обиделась? По-моему, просто пошла перезарядить батарейку, они же как роботы: «Посмотрите направо – ореховый торт, посмотрите налево – шоколадный торт» – выдают заученные фразы. Скучно, за те деньги, что мы им платим. Тошно слушать.

Отец покачал головой.

– У тебя что-то случилось, Гриша? Ты сегодня какой-то взвинченный.

– Ничего у меня не случилось, сам ты взвинченный! Будешь выбирать торт своему любимому сыночку или нет? – не удержался я от грубости.

– Нет. Выбери сам, – он предпочел завершить нашу беседу, вышел прочь и уехал на такси, не дожидаясь меня.

Тем временем рыжеволосая, должно быть, тихо выругавшись в мой адрес в подсобке, вернулась с таким же серьезным бесчувственным лицом, что и раньше. Глаза, правда, были заплаканные. Мне стало жаль ее.

– Если это я вас так расстроил, прошу меня извинить. Последнее время я сам не свой. Столько проблем...

Она улыбнулась, и я заметил про себя, что она красавица.

– Нет, я... Все в порядке. Я не из-за вас, все в порядке.

Запрограммированный робот превратился в простую женщину. Она мне понравилась, и, черт возьми, я был свободен.

– Не хотите рассказать из-за кого?

Опустила глаза, кокетка. Рыженькая, веснушки под плотным слоем пудры, складочки от улыбки над губой.

– Знаю, – притворно зашептал я, – вы здесь при исполнении, вам нельзя разговаривать на личные темы. Как насчет ужина сегодня?

Уже перед самым выходом из салона – выбрав торт, записав ее номер – я увидел коробку средних размеров, стоявшую на погрузчике. Бирка на ней гласила: «Свадебный, образцы». Далее адрес и имя: «Анна». Ее имя, но что страшнее всего, ее адрес. Образцы свадебного торта.

5

У Ларисы все было под контролем, даже мима в итоге удалось найти, но накануне праздника они с отцом крепко повздорили, когда он обнаружил, что жена решила вычеркнуть из списка гостей Лизу, мою дочку от катастрофически неудачного мимолетного брака четырехлетней давности. Может, это объяснялось нелюбовью ко мне, но Лариса открыто не жаловала моего ребенка, что уже не раз приводило к скандалам в семье Ржевских. Отец терпеть такого не мог – он-то в Лизке души не чаял.

Игорь Платонович связался с Жанной, моей бывшей женой, чтобы уточнить, к которому часу они с внучкой доберутся на праздник, и та ответила, что впервые слышит о празднике, что не получала никаких приглашений. Конечно, не получала – Лариса просто не удосужилась пригласить моего ребенка на семейное торжество. Отец рассвирепел.

Надо признать, в ту пору меня не слишком занимали подобные темы, ведь плотность событий на сантиметр моей жизни стремительно и грозно росла. Когда мы разводились, я просил Жанну остаться в городе Р., чтобы у меня имелась возможность видеться с дочерью, но мы оба были так упрямы и молоды, что никто не пошел на уступки. В итоге Жанна гордо хлопнула дверью и вернулась к родителям. Теперь она жила в двух часах езды от Р., и этих двух часов у меня никогда не находилось.

Утром мы с Дугиным и нашими свежесобранными клиентами впервые встретились, чтобы обсудить возможность досудебного урегулирования конфликта. Одетый с иголочки, выбритый и напомаженный, Михаил словно сбросил лет десять, а его речь лилась легко, когда он выдвигал встречные требования моему клиенту, будто комплименты ему отвешивал, а не пытался надуть.

Я улыбался, слушая сладкоголосые напевы Дугина. Мы не пойдем ни на какие примирительные шаги, конечно, и эта встреча – пустая формальность. Но как же красиво он выставлялся, позер, иной бы залюбовался. А ведь предпосылок к уверенности у Дугина имелось немного, в этой тяжбе по вопросу раздела имущества многомиллионной торговой компании объективно лучшие карты были в руках господина Молодского, интересы которого представлял я. Его же клиент Груздев пытался незадолго до того в одностороннем порядке аннулировать ряд совместно с партнером принятых решений, что, безусловно, выставляло его не в лучшем свете и давало мне дополнительное преимущество перед Дугиным еще на старте. В сущности, дело было в моих руках, осталось лишь не совершить никаких опрометчивых ходов, и меня, вполне вероятно, ждала бы первая в карьере победа над непобедимым Дугиным. Он знал это и злился, хоть и не подавал вида. Самый серьезный судебный спор за последние два года – каждый бы занервничал, не имей он козыря в рукаве. Даже Михаил Дугин.

Когда мы распрощались с клиентами, я наконец достал из кармана два часа разрывающийся беззвучно телефон.

– «Жанна», – прочел на моем экране Дугин, удаляясь из переговорной походкой мультяшного злодея. – Ого, шестнадцать пропущенных! Лучше перезвонить, сынок, эта Жанна жаждет тебя.

Я хохотнул, набирая номер.

– Бывшая.

– Ах, *эта* Жанна... Ну желаю удачи. В девять у Самвела, не забудь.

Не прикрыл за собою дверь, и я слышал фальшивым голосом театральный его напев: «Стюардесса по имени Жанна...» И чего он был так доволен? На сей раз, казалось, мне победы не упустить.

Жанна взяла трубку, и понеслось.

– Григорий! Григорий, Григорий, я больше не намерена терпеть подобного отношения к себе и к дочери. Предупреждаю тебя...

И так далее. Более склочной бабы, чем моя бывшая жена, я никогда не встречал. Вообще вся наша история с браком длиной в пять месяцев от начала до конца была сущим кошмаром. Когда тебе двадцать два, порой совершаешь глупости, но связаться с этой девчонкой стало величайшей из моих. Несомненно, она думала так же. Я, конечно, был виноват, я не предохранялся.

Просто ее огромные зеленые глаза так на меня смотрели через толпу скучающих лиц на вечеринке... Они с подружкой приехали из другого города на всю ночь, повеселиться, но компания оказалась хуже некуда (хотя подружка уже лизалась с кем-то на диване в углу), и теперь зеленоглазая блондинка в едва прикрывавшей округлый задик юбке высматривала, с кем бы сбежать отсюда.

Она была гибкой, настоящая гимнастка, ловко оседлала меня на заднем сиденье машины, потом мы покатались по городу, мои глупые шутки смешили ее до икоты, а в открытые окна ветром вдувало прохладу. Я чувствовал себя свободным и счастливым, она казалась мне славной девчонкой.

Уснула на диване в моей гостиной – «Я никогда ни с кем не делю постель», ушла тихонько до моего пробуждения, но оставила на столе записку с номером.

И поскольку мне понравился вечер, понравился и ей, мы повторили еще несколько раз. Но она жила далеко, иногда было просто лень ехать столько ради быстрого секса, и спустя месяц мы перестали видеться. Без обид, никаких уязвленных чувств, все сошло на нет, я почти забыл о Жанне, когда однажды мне позвонил папа и сообщил, что у них прямо сейчас пьет чай отец девушки, которая ждет от меня ребенка.

Хуже ситуации не придумаешь, и я уже тогда понял, как жестоко обознался, приняв Жанну за беззаботную молодую женщину в поисках удовольствия. Она совершенно не этого хотела, она была еще девчонкой, мечтательной и капризной. Ей казалось романтичным женить на себе первого встречного, от кого удалось залететь. Я полагал, она и правда все подстроила – ловушку с ребенком и возмущенным родителем на пороге. Талантливая стерва.

Отец Жанны явился к Ржевским, готовый устроить скандал, но Игорь Платонович недаром двадцать лет проработал в службе социальной помощи – он умел успокоить и не таких буйных. Обошлось без необходимости являться на их родительский совет, Игорь пообещал отцу Жанны вправить мне мозги, и тот удалился, довольный. Дом наш ему понравился, Лариса с папой показались людьми достойными – почему бы не выдать дочку за этого незнакомого паренька, кем бы он ни был? Потрясающий подход к жизни имел мой будущий бывший тесть.

Нет сомнений, узнай я первым о положении Жанны, я бы, не спрашивая, приволок ее за волосы делать аборт – в двадцать два года я не мечтал о детях, тем более от такой дряни, какой оказалась моя случайная подружка. Но ситуация сложилась прескверная, хотя я некоторое время еще надеялся все замять. Однако же мы кончили свадьбой и ребенком. Как я позволил уговорить себя?

Сначала скандал дома, Лариса с попреками в никчемности: «Чего еще от тебя можно было ожидать!», «Ты опозорил нашу семью!», прочее. Меня не трогало, но подмывало ответить, что я на самом деле думаю о ее отношении ко мне. Стоило сил сдержаться. Папа не стал

кричать, он вывел меня в сад, и мы поговорили вдвоем, по-мужски. Мрачное ночное небо и сумрак внутри беседки скрывали от меня его лицо.

– Ты можешь сейчас отказаться от ребенка, а потом, много лет спустя, горько пожалеть об этом. Подумай, Гриша, что ты ответишь взрослому сыну, если он однажды появится у тебя перед дверью с вопросом: «Папа, почему ты бросил меня?» Подумай, что ты скажешь ему. Я тебе скажу, – он напряженно ткнул себя в грудь, – не существует ответа на такой вопрос, это не искупить. Гриша...

– Что, папа?

– У тебя ведь тоже не было отца. Что бы ты сказал ему, если бы встретил сегодня?

– Ты мой отец.

Он схватился за лоб, а я закурил, отвернувшись.

– Да, да. Но что бы ты сказал *ему*?

Что бы я сказал *ему*? Я готов был спорить, что моя мать знала, кто посадил меня ей, не больше моего. Какие претензии могли быть у меня при этом раскладе?

– Ничего, папа. Мне нечего ему сказать.

Он вышел из тени, медвежьей походкой приблизился ко мне, схватил в охапку, прижался колючей щекой к моему виску, завздыхал шумно, втягивая щеки.

– Не приведи господь, Гриша, тебе услышать от своего ребенка, что ему нечего тебе сказать.

Я подумал: «Может, он прав?»

Обнимал меня, такой теплый, пахнувший хвоей старого одеколona и потом, такой большой, хотя и я уже с него ростом, но вдруг чувствуешь себя маленьким, когда он обнимает тебя, своего мальчика. И я был его сын, даже когда он держался поодаль, и даже когда Лариса припоминала ему нежелание усыновлять меня. Но он и теперь был со мной, когда она уже давно бросила себя убеждать, что может полюбить чужого мальчишку, сына грязной казашки, оборванки, оказавшей ей услугу ценой своей никчемной жизни. А он стоял тут со мной, когда я был растерян и только хотел казаться взрослым и сильным, обнимал и был моим папой и никогда бы не бросил. И я думал: «Я его так люблю, в мире не должно быть иначе. С моим ребенком не будет иначе».

Жанна все воспринимала, как игру. Женидьба? Что тут такого, давай попробуем, повеселимся, мы же хорошо проводим время вместе. Я пожимал плечами: хорошо, попробуем. Вариантов не имелось. Но наша семейная жизнь была обречена с самого начала.

Уже через месяц после свадьбы квартира моя напоминала театр военных действий. Мы разбили всю посуду, все стекло и фарфор, что нашли в доме. Она бросалась на меня с ножом, а я выгонял ее за порог в одном халате; она меня била, и я давал сдачи. Мы могли поругаться из-за любой мелочи вроде моей привычки ставить солонку слева от перечницы, а не справа. Жанна запиралась в ванной, угрожала мне оттуда что-нибудь сотворить с собой, я выламывал дверь и крепко, больно хватал ее за волосы:

– Давай, дорогая, смелей, ну что же ты!

Она пила – я кричал, что она хочет убить ребенка; я напивался – она обвиняла меня в том, что я теряю контроль и смотрю зверски, будто хочу убить ее и ребенка. И так без конца, без конца. Я начал замечать первые седые волосы, считал дни до рождения дочери, не потому, что мечтал о ней, а чтобы Жанна наконец прекратила шантаж беременностью. Мы даже рожать ехали, скандала.

– Дрянь!

– Ублюдок!

– Ненавижу тебя!

– Закрой рот!

– Чтоб ты сдохла!

Не было сил радоваться появлению Лизы. Я ничего не почувствовал и даже не испугался. Когда пришло время забирать девочек из больницы, мы, не заезжая домой, прямо с ребенком на руках отправились подавать заявление на развод. Никто из нас больше не мог терпеть, и хотя я изображал молодого отца: «Не увози ее, я хочу видеться с дочерью», на самом деле мне было плевать. Делай что хочешь, заведи ее, заведи куда угодно, но оставь меня в покое. Уйди, исчезни, пропади из моей жизни.

Я пообещал себе, что больше не женюсь, и, конечно, стал осмотрительнее в связях. Со временем наша с Жанной ненависть поутихла, осадок же остался навсегда. Я виделся с дочерью редко и не страдал от этого. Она, вероятно, не страдала тоже, а Жанне было приятно иметь повод при случае попрекнуть меня равнодушием к ребенку. Я отправлял ей денег втрое больше положенного по закону, и спокойно дремала моя отцовская совесть. В жизни столько случилось в последнее время, до прошлого ли было, до бывшей ли жены?

– ...Я предупреждаю, что запрещу тебе видеться с Лизой, если в вашей семейке будут относиться к нам, как к приживалкам. Это твоя родная дочь, единственная дочь, а ты даже...

Сколько крика, и лишь потому, что их не пригласили на «торжество века». Спасибо, Игорь, позвонил, оповестил мою неадекватную женушку. Виноват, само собой, в ее представлении был исключительно я, и слушать, что я в глаза не видел списка гостей, она не желала.

– Жанна, а оно тебе нужно? Ты там все равно никого не знаешь, на Егорку тебе плевать, Ларису не переносишь, а дед и без этого дурацкого праздника навещает Лизу часто.

– А ты? Ты не подумал, что это была бы возможность провести день с собственной дочерью?

Как хорошо, что мы уже развелись.

– Жанна, я могу и сам приехать провести день с Лизой, для этого не нужно...

– Вот именно, – вздохнула она. – Вот именно, Григорий. Самое печальное: я знаю, что ты можешь. И Лиза знает, что ты можешь. Можешь. Но тебя никогда нет!

Бросила трубку – ей просто хотелось выговориться, покричать, выместить на мне свою неудовлетворенность жизнью. Так до сих пор никого и не завела себе, кроме работы. Кто виноват, уж не Гриша ли часом? Для некоторых людей я был виноват по определению.

6

Тем же вечером мы собрались компанией старых друзей в кабачке у Самвела за партией в карты. Дугин обычно ставил немного, но всегда уходил с солидным выигрышем; я проигрывал вчистую, еще четверо наших товарищей – коллега-адвокат, владелец промышленного склада, университетский преподаватель и сам Самвелчик – играли с переменным успехом.

К половине десятого в накуренном зале собралась вся компания, не хватало только коллеги-адвоката. Мы не начинали игру, ждали приятеля, развлекались пустыми разговорами. Преподаватель в очередной раз влюбился в очередную студентку, расписывал ее прелести в сальных нюансах, насмехался над собственной лысиной и выдающимся брюшком – мы от души хохотали, слушая его рассказ. Самвел отчитался, как идут дела в кабачке, я пересказал утренний разговор с Жанной, после чего мы подробно обсудили такую категорию женщин, как «бывшие жены» (из нас пятерых лишь хозяин заведения был счастливо женат один-единственный раз), и каждому имелось, чем помянуть когда-то любимых. За окном стемнело, щедро лилось вино, уютно и весело текло время.

Я исподтишка наблюдал за Дугиным: он хотя и участвовал в общей беседе, смеялся со всеми, но для самого себя был подозрительно тих. Уж не о нашей ли судебной тяжбе задумался Михаил? За ним не водилось переживать о работе, да еще так неприкрыто, но исключительные масштабы дела и неоспоримое преимущество на стороне противника могли бы поколебать спокойствие Дугина, как мне вдруг подумалось. Он избегал смотреть на меня и со мной

заговаривать, что лишь подтверждало мои подозрения. Я решил дождаться окончания вечера и напрямую спросить его наедине, нет ли между нами проблем. Мы еще никогда не ссорились из-за работы, и я не собирался отходить от этой традиции, как, впрочем, не собирался и уступить Дугину победу на сей раз.

Вскоре явился наш коллега-адвокат. Бросил пиджак на вешалку, затараторил:

– Мужики, тысяча извинений. У въезда в город серьезная авария, мы целый час просто-яли в пробке. Кстати, знакомьтесь, мой друг Андрей Богомолов.

Адвокат отступил чуть в сторону, и только тут мы обнаружили, что пришел он не один, а в компании стройного темноволосого мужчины в дорогом костюме вроде тех, какими любил щеголять в суде Дугин. Этого типа я узнал немедля, да и он сразу заметил меня. Тот самый Андрей.

Что-то случилось с моим горлом, внезапный спазм сбил дыхание – я согнулся, опустив голову ниже стола, и закашлялся. Пожимавшие новому знакомому руку друзья не обратили внимания на то, как мучительно надулась и покраснела моя шея. Только Дугин покосился недоуменно, наклонился ближе, похлопал меня по спине.

– Все в порядке?

– Это он, Миша! – закричал я шепотом. – Жених Анны!

– Да ты что, – так же тихо произнес он и пристально поглядел на нежданного гостя. – Тесен мир, тесен мир. Даже занятно.

Что занятного он нашел, я не понимал, и как вести себя – тоже. По примеру остальных назвалса, протянул руку. Андрей крепко пожал ее и кивнул едва заметно. Презрительная гримаса – подбородок резко выдался вперед, скривленные тонкие губы, глаза, недоверчиво пристальные, – как и в прошлую нашу встречу, облачала его лицо, и я понял, что это не более чем маска, привычный вид для Андрея Богомолова.

Сели играть, теперь всемером. Дугин будто немного оживился: подбивал остальных на ббльшие ставки, хитро затягивал с козырями, до последнего дурача всех видимой безоружностью. Вот уже третий кон подряд он забирал банк, крайним ходом скидывая пару козырных карт.

– Извиняйте, господа, – под притворно-возмущенное улюлюканье сгреб со стола горку монет, заменявших нам фишки. – Кажется, мне опять повезло.

– Ошибаетесь, – хлестко ударил по дружескому смеху и расколол его голос нового игрока. Все обернулись к Богомолову.

– Кто-нибудь видел, как вышла дама пик? Я прошу проверить, – потребовал Андрей.

Начали перебирать отыгравшую колоду. Действительно, пиковой дамы среди карт не оказалось, тем более странно, что в прошлом кону я сам разыгрывал ее из своего прикупа. Оживленно зашелестели подошвы: мы заглянули под сукно, под стол, посветили фонариком – ничего. Исчезла дама. Лишь Богомолов продолжал оставаться на месте, и надменная кривая усмешка намертво въелась в его бездушное лицо.

– Да плюньте вы на эту карту, давайте лучше выпьем, за счет заведения, – примирительно заключил Самвел, отряхивая пыль с колен, на которых исползал все закоулки, куда могла и не могла закатиться искомая.

И снова только Богомолов был против дружного одобрения.

– Постойте-ка, – сказал он. – Предположим, что дама пик не исчезла, а выпала последней в колоде. По очередности карта должна была достаться мне. Далее, предположим также, что я благоразумно приберег пару козырей среднего достоинства, а, как вы все, вероятно, помните, поручик Ржевский зашел с пикового валета, которого лишь я один мог взять – и не взял, ведь без дамы пик он мне был не нужен. Но, несомненно, при наличии пиковой дамы я бы не упустил и валета. Таким образом, гипотетически победителем становился бы я, не правда ли?

– Что там о паре козырей, они в самом деле у тебя были? – спросил коллега-адвокат.

Вместо ответа Богомолов, все еще сидевший за столом, перевернул карты рубашкой вниз, и мы увидели, что Дугину и правда не удалось бы обыграть его, если б не пропавшая дама пик.

– Справедливым, полагаю, будет аннулировать результаты кона, – сказал Богомолов.

Приятель растерянно пожимали плечами, над карточным столом повисла неловкая тишина.

Дугин первым прервал молчание:

– Что ж, справедливость есть справедливость, – словно и не расстроившись, выложил добытые за кон монеты обратно на середину стола.

Мы разошлись в соответствии со ставками и в карты в этот вечер больше не играли.

Жаркое подоспело к тому моменту, когда преподаватель и владелец склада выговаривали коллеге-адвокату все, что они думали о приведенном им приятеле. Богомолов тем временем потягивал вино в компании Самвела. Я сел ближе к Дугину, но на друга моего снова напал сплин, и он молчал, рассеянно глядя в пространство.

– Что за зануду ты притащил? – вопрошал с упреком преподаватель. – Он испортил нам всю игру.

Коллега-адвокат оправдывался:

– Андрей вовсе не зануда. Просто принципиальный парень. Но он наш, нашего сорта.

– Откуда он вообще взялся? – спросил я будто бы невзначай.

– У Андрея консалтинговая компания в городе Б., я оказываю им юридические услуги.

– Что за консалтинг?

Коллега-адвокат глянул на Богомолова.

– То, это, всего понемножку. Они быстро развиваются. Скоро станут лидерами рынка, мое слово.

– И он прямо владелец? – допытывался я.

– Да, Гриша, и директор. И весьма компетентный.

– Сынок богатых родителей? – Я спросил, словно обвиняя, да чуть не поперхнулся своим вопросом. А кто я такой, как не сынок богатых родителей? Приемный богатых родителей...

Но адвокат продолжал:

– Нет. Может, помнишь, был такой хирург в районном госпитале – Роман Андреевич Богомолов? Так вот, Андрей – его сын. Но какой он богатый, врач как врач. Хотя мировой мужик был: и меня по кусочкам собрал, когда я с крыши гаража сорвался лет десять назад, а потом еще у жены проблемы со спиной начались, он и ее вылечил. А теперь вон сам парализованный, практически полностью без движения после инсульта, уже восемь лет как. Андрей им с матерью домик построил за городом, приезжает время от времени, проведывает. Я сегодня по-дружески съездил вместе с ним, а потом подумал, отчего бы не позвать мужика в нашу компанию? Понимаешь, тяжело ему после встреч с отцом, ты бы видел, как он плох – иной покойник лучше выглядит. Жуткая картина, и сам мучается, видно: лежит и мычит протяжно, лежит и мычит. А если к нему ближе подходишь, еще сильнее мычать начинает. Я прямо опасался приблизиться, ведь такие звуки нечеловеческие он издает, что, думаешь, сейчас дух испустит... И Андрей говорит, все восемь лет так, без изменений в лучшую или худшую сторону. Бедняга, что за ноша...

Мы оба обернулись к Богомолову.

«Зато живой, – подумал я. – Зато знаешь, где он, что с ним. Зато не бросал тебя. Черта с два он бедняга, да еще с моей Аней под мышкой!»

Подали жаркое. Мы расселись за столом, застучали приборами. Ужин вышел невероятно вкусным, но я не мог расслабиться, искал исподтишка глазами Богомолова, разглядывал тайком, а он преспокойно влился в дружескую беседу, и никто не заметил, как бесповоротно выпал из нее я.

– Стало быть, вы у нас заядлый карточный игрок, – обратился к Андрею Дугин. Тот резко вскинул голову, снова скривил насмешливо губы.

– Нет.

– Однако же вы ловко обнаружили отсутствие дамы пик.

К всеобщей неожиданности, Богомолов вдруг расхохотался. Я не мог не отметить, что это задело Дугина, и он переменял тему.

– А вы слышали, господа, какую мощную агитацию развернул на прошлой неделе один кандидат на пост мэра города Р.? Целая демонстрация, с плакатами и лозунгами: «Хлеб голодным! Масло голодным! Икорку голодным!»

Друзья загоготали, подмигивая. Эта шутка, без сомнения, имела целью поддеть меня, и только Дугину я позволял так над собой подтрунивать, хотя и от него терпел намеки о своем отце с трудом.

– Что вы имеете в виду? – спросил Богомолов.

– Ах, да ты же у нас из города Б., – всплеснул руками Самвел. – Ты же не знаком с Игорем Платоновичем, великим защитником бедных.

– Робин Гудом наших дней, – добавил начальник склада и метнул в меня острый взгляд.

Он имел несчастье столкнуться с отцом, когда тот продвигал в администрации проект изъятия у предпринимателей земельных участков, оформленных с нарушением кадастровых планов, согласованных с социальной службой города Р. Благодаря Игорю Ржевскому социальная служба, которой он руководил уже шестнадцать лет, занималась в нашем городе любым мыслимым вопросом; Игорь добился того, что ни одно сколько-нибудь значимое решение не могло быть принято без ее одобрения. К концу года администрация сдавала уже восьмой многоквартирный дом, полностью предназначенный под расселение малоимущих и неимущих, и Ржевский коршуном бросался на любого, кто только руку тянул к бюджетным средствам, а уж отобрать, отсудить у какого-нибудь толстосума незаконно присвоенный в смутные времена участок или с нарушениями ведомый бизнес – это вообще было у него разве что не любимым делом: в конце концов, не за этим ли когда-то Игорь учился на юриста?

Его нюх на источники финансирования очередного социального проекта срабатывал безотказно. Сколько раз еще подростком я видел картину: сперва отец сидит за столом в кабинете, рисует и зачеркивает схемы, рукой вцепился в подбородок, брови свел воедино. Потом ходит по дому, мрачный и злой, и почти с ненавистью молчит вслед Ларисе, будто и не замечающей его настроения. Но проходит несколько дней, и он обязательно что-то изобретает, деньги находят, проект реализован, все накормлены, обуты-одеты и обеспечены крышей над головой. Робин Гуд, что ж. Я, из профессиональной этики и по личным мотивам, не высказывал мнения о деятельности Игоря Платоновича, но одно чувствовал непреложно: мне никогда не приходилось стыдиться идей и целей отца.

– Игорь Платонович? Вы имеете в виду Игоря Ржевского? – переспросил Андрей. – Кто же о нем не слышал! Должен признать, до определенной степени я даже восхищен этой фигурой. Ржевский мне представляется...

Он так внезапно смолк, что наши вилки, ножи и бокалы застыли в воздухе. Ошеломительное по простоте открытие разливалось краской по лицу Богомолова, пока он неотрывно смотрел на меня. «Поручик Ржевский», да-да.

Глотнул воды, покачал головой и самому себе улыбнулся краем губы.

– Я уважаю вашего отца, – сказал он и еще раз кивнул, теперь уже мне. – Планирую и сам заняться политикой в будущем, и хотя в политических взглядах, боюсь, мы разошлись бы, но его поразительное упорство служит мне одним из лучших примеров. Надеюсь, нам доведется однажды познакомиться лично, а пока передайте ему мое искреннее восхищение.

Я растерялся и чуть было не начал испытывать симпатию к Богомолу, но он сделал еще один глоток, как отчеркнул сообщение, и сменил тему, заговорил о винах, привезенных из последнего путешествия, а Самвел с преподавателем охотно поддержали беседу.

– Оставь в покое моего отца, иначе пожалеешь, – бросил я Дугину негромко.

Он опять начинал втягиваться в свою задумчивость, но меня услышал.

– Ты сегодня удивительно смелый, мальчик.

– Что ты имеешь в виду?

– Утром, на встрече сторон, не задал ни одного вопроса, словно тебе все уже ясно. Не слушал моего компромиссного предложения, словно собираешься выиграть это дело. Ты и впрямь собрался выиграть у меня, Гришенька?

Мы были знакомы с Михаилом почти десять лет, но еще никогда металл его голоса так не впивался осколками в меня. И глаза он отводил, прятал.

– Дугин, ты меня сейчас пугаешь. Что случилось с тобой, ты что, из-за дела так взъелся?

Но он, как не слушал, вдруг повторяет отголоском прошлого разговора:

– Жених Анны, говоришь? – встает и пересаживается ближе к Богомолу.

И вдруг из этой залы, прокуренной, перегретой дыханием и дымом, исчезают все, кроме соблазнительно-хитрого, как Мефистофель, Дугина и Андрея Богомолу, мрачного, зажатого, с презрительной ухмылкой мизантропа.

– Так вы поборник справедливости, молодой человек? И где же она? – начинает Дугин.

Андрей переспрашивает:

– Она?

– Дама пик.

– А-а... Ну это *вам* должно быть известно.

– То есть, полагаете, что я ее *украл*?

Акценты на словах, что подковы, цокают, высекая искры. Кривится ухмылка Богомолу все сильнее.

– Неужели нет?

– А если бы да, что бы вы на это сказали? – смеется Дугин. Забавляется, как кошка с мышью.

– Ничего. Я указал на вашу бесчестную игру, когда это касалось меня. В остальном – пусть ваша совесть подскажет, в порядке ли вещей применять шулерские уловки к друзьям.

Дугин расхохотался пуще прежнего. Уж не пьян ли он?

– Мальчик, какими простодушными идейками забита твоя голова! «Совесть», «друзья»... Запомни – запомните все! – у Михаила Дугина не бывало друзей и не будет. А что до совести – это самообман, которым вы питаете себя всю жизнь, да без толку. Думаешь, я буду поступать по совести, и тогда, может быть, никто и мне не воткнет нож в спину, не посмеет обмануть. Но находится такой, как я, такой вот бессовестный, беспринципный Дугин, которому плевать, насколько ты был честен со мной и другими, берет свое, не оглядываясь на раздавленных наивных цыплят у себя за спиной, отбирает у тебя главный приз, и где ты теперь, интересно, со своей совестью, со своей непогрешимой моралью? В заднице! А где этот беспринципный мерзавец? На вершине, с кубком победителя в руках.

Богомолу ничуть не смущен, не встревожен словами противника, он выслушивает внимательно и сдержанно. И отвечает спокойно:

– До сих пор у меня не возникало необходимости идти на компромисс с совестью, а я уже чего-то да добился. И дело не в том, будто я надеюсь избежать удара в спину в награду за свою чистоту. Нет, отнюдь. Но я способен любого мерзавца без принципов и морали разглядеть за сто шагов и свернуть ему шею раньше, чем он посмеет посягнуть на принадлежащее мне по праву. Я достаточно силен, чтобы, не поступаясь принципами, уничтожить любого, кто ими

и вовсе не обременен. Но мне также достанет чести признать поражение, если соперник был честен со мной.

– В самом деле? – Дугин хитро склоняет голову. – Даже если перед тобой будет стопроцентный шанс обвести его и выйти победителем?

– Даже так. Если он был честен, буду и я.

– Даже если на кону слишком многое? – соблазняет Дугин.

– Слишком многое? – переспрашивает Богомолов.

– Все. Вся твоя жизнь.

Богомолов задумывается на мгновение.

– Да, – произносит он негромко, протяжно, словно пробуя слова на вкус. – Даже если на кону все.

Грозовым раскатом пронесется дьявольский смех Михаила по зале. Он получил ответ, которого ждал. В этой софистике он неизменно сводил все к ответу, обнажавшему увечность человеческой души.

– Лжец! Лжец, лжец! – на выдохе восклицает Дугин почти с восторгом. – Не родился еще тот, кому это под силу. Против природы человеческой, против инстинкта выживания и тебе, сынок, не под силу. Если на карту поставить все, в чем жизнь твоя, ты бросишься защищать ее, забыв про принципы и мораль. Никто не может иначе. Вот тебе моя, дугинская, проповедь, вот тебе мой завет. Не бей по рукам того, кто оказался ловчее, ибо он уже победитель, а ты смерд у его ног. Попытай счастья в следующий раз, но не тронь победителя. И не потому, что так велит совесть или честь – в гробу я видал ваши рыцарские бредни, но потому лишь (ты сам поймешь, когда сделаешься победителем), что любого, кто ставит под сомнение твой триумф, ты просто обязан уничтожить, чтобы остаться на вершине. Вот поэтому-то не стоит предьявлять претензий к чемпиону, ведь ему есть что терять, и очень может быть, он заставит тебя смолкнуть раньше, чем ты поймешь свою ошибку суждения. Тем более если ты в самом деле решишь заняться политикой, это первое правило выживания. А мораль, совесть и честь – всего лишь виньетки для украшения мемуаров. Сначала нужно прожить жизнь без них, чтобы было о ком писать мемуары.

Замолчал Дугин. Молчали и остальные. Не впервые я слышал подобное, но всякий раз это задевало не вполне объяснимые глубинные чувства, в которых трудно было признаться и самому себе.

Андрей покачивал головой, не сводя глаз с Михаила, и вдруг спросил:

– А как же Игорь Ржевский? Разве он когда-то отходил от своих принципов ради победы?

Дугин растянул губы в жалкой улыбке, на секунду приставил ладонь к глазам, вздохнул с гудением. Потом посмотрел на меня и снова на Андрея:

– Ну не без святых земля наша. Не без юродивых. Bravo, Богомолов, далеко пойдешь... Что ж, господа, мне пора.

Развернулся к двери и исчез. Я быстро распрощался с друзьями и выбежал за ним. Михаил двигался не к дому, и он сегодня был таким, что я боялся оставлять его одного там, куда он направился, потому поплелся следом. Пиковая дама, исчезнувшая со стола в тот миг, когда стало понятно, что от нее зависит, чей это кон – Дугина или Андрея, лежала в моем кармане.

7

На третий стук распахнутая деревянная дверь отворилась, и привычное крупное лицо мамы Розы выставилось навстречу темноте.

– Вдвоем? – без приветствия спросила она.

– Тихо, за нами хвост! – пошутил Дугин, надавил на дверь, и мамаша Роза пропустила нас в едва освещенный коридор. Ее пышная грудь недовольно вздымалась под платьем, на желтых зубах отпечаталась помада.

– Все позднее и позднее приходите, мальчики, – сказала она и всунула в руку Дугина ключ от его любимой комнаты. – Как обычно, в верхнем ящике.

Дугин послал ей воздушный поцелуй.

– Роза, выходи за меня.

– Иди к черту, красавчик. Так ты мне хоть платишь.

Они захохотали. Теперь мамаша переключила внимание на меня, с почти трагическим видом стоявшего в дверях.

– Твой сегодня не в духе, – кивнула она Дугину.

– Не обращай внимания, он не в духе уже не первый день. Мы затем сюда и пришли, чтобы развеяться. Да, Гришка? – повернулся Дугин ко мне.

– Понятия не имею, зачем я сюда пришел. Мне бы уже быть дома, отсыпаться.

– Да иди ты! Роза, посмотри на него – крысеныш неблагодарный, еще и все удовольствие портит. Сам же за мной увязался, кто тебя звал?

– Ладно-ладно, мальчики, не ссорьтесь. Миша, получил ключ – проваливай. Сейчас Киска к тебе придет.

Дугин, покачиваясь, скрылся за дверью своей комнаты. Роза взяла меня под руку и повела к свободному номеру.

– Кого хочешь, Гриша?

Я вздохнул и потянулся за сигаретой, посмотрел на пачку, сунул обратно в карман.

– Роза, а давай с тобой, что ли? Поработаешь для меня сегодня?

Мамаша отпустила мою руку и разразилась писклявым хохотом:

– Опасные шуточки, малыш.

– Не шуточки вовсе. Что, я недостаточно хорош для тебя?

Чистые простыни на постели в номере пахли лавандой. Через открытое окно еще не выветрился оставленный одной из Розиных девчонок – какой, я не мог припомнить – запах французского мыла. Тонкий, почти настоящий.

– Ну, решил, кого тебе? – поторопила Роза.

– Давай сама, Розочка, – улыбнулся я и опустился в кресло напротив окна.

Мамаша начала сердиться:

– Посидишь в одиночестве, значит?

– Умница. Стукни мне, когда Дугин будет выходить. Провожу его до дома.

– Чего это ты с ним нянчишься?

– Какой-то он странный сегодня. Что ты ему там оставила, в верхнем ящике?

– Обычную дозу, – пожала плечами мамаша. – Ладно, я пошла, если ты ничего не хочешь, – она сделала несколько шагов и обернулась: – Какие-то вы оба странные сегодня.

Я погасил свет и, запрокинув голову на спинку кресла, уставился в окно. Грязная улица, как и весь этот квартал, спала, тонула в темноте, без фонарей, без света в доме напротив. Где-то тихо скулила собака, ветер гудел в мусорных баках, а за стенкой громко, от души стонали двое. Женский голос я узнал – одна из моих привычных подружек. Занята, значит. Впрочем, не важно – я никого не хотел сейчас.

В душе творилось неладное. Необходимо было немедленно все обдумать, прийти к определенным выводам, невозможно вот так дальше блуждать впотьмах. Почему тяжкий ком стоит в груди, неотвязно следуют мысли одна другой горше? Я никак не мог найти конец этого клубка, чтобы распутать, понять, как началось это, как это прекратить.

Встал, прошелся по комнате. Может, правда, взять шляху, забыться ненадолго? Нет, все равно не выйдет: стянулось все, закрылись живительные токи, не чувствую собственных рук, не то что...

Вчера я нашел Анину сережку, закатившуюся под диван, долго потом вертел между пальцами серебряные колечки. Когда-то Аня искала ее, даже обиделась на мое предложение не мучиться, а купить новые. Ну в самом деле, дешевка ведь! Теперь я жалел, что они недостаточно дорогие, чтобы стать хорошим поводом увидеть ее. Я не собирался больше встречаться с Анной – хватит, нужно иметь гордость, в конце концов. Но только... А вдруг что-то еще можно изменить, а я просижу так, бессмысленно, в борделе, до самой ее свадьбы, и это же все, конец.

Боже, зачем ей понадобилось выходить замуж? Ведь они с Богомолковым недолго вместе, нельзя же просто взять и выйти замуж за малознакомого человека! Как вообще можно решиться на свадьбу за такой короткий срок? Кому в наше время нужна свадьба, зачем? Ну хорошо, она девочка, ей хочется поиграть в нарядное платье, подружек невесты, свадебный букет. Неужели только поэтому?

А если она любит Андрея? Какой глупый вопрос, наивнейший. Должно быть, любит, раз выходит за него. Но... И он любит ее? Они оба любят и они счастливы? Я не стал сдерживать мыслей, которые обычно гнал прочь, – о физическом воплощении их любви. О том, как чужое тело дарит ей наслаждение, другому она отдает всю себя, дрожит, стонет, замирает под ним. На нем... Чертовы дьявольские картинки!

Все дело в том, что я до сих пор не забыл ее, прошло еще слишком мало времени, и если бы им не жениться прямо сейчас, если бы они подождали, когда меня перестанет беспокоить прошлое... Но не в моей власти изменить то, что случится. А если найти слова, что показали бы Анне, как мне плохо сейчас?

Моя душа наизнанку выворачивается, не хватает воздуха в комнате с раскрытым настежь окном, и ребра сводит... Она бы увидела, как мне плохо, поняла бы, что никто не страдал бы так за нее, как страдает Григорий. Вернулась бы? Ох, ну что за сентиментальный бред, что за дешевая мелодрама!

Я не знал наверняка – лишь три месяца мы встречались – любовь ли это была, но в одном оставался уверен: я буду очень, очень сильно страдать, если они поженятся. И еще чувство, необъяснимо давящее, чуждости, избыточности себя в этом мире, когда понимаешь, что двое влюблены и счастливы, у них свой дом, своя семья, жизнь одна на двоих, свои секреты, шуточки, привычки, любимый ресторан, свой ритуал прощания, семейные обеды с обсуждением, куда пойти в выходные... И тут ты со своими чувствами, нелепыми воспоминаниями, со своей мальчишеской влюбленностью – куда ты пытаешься влезть? В серьезную, настоящую, счастливую жизнь двоих людей – куда ты пытаешься втиснуться? Ты смешон, жалок, земля краснеет от стыда под твоими ногами. Как только вообразить ты мог, что кому-то вроде тебя позволено даже просто думать о ней, о совершенно, непоправимо, безвозвратно чужой женщине?

Измучился вопросами, мыслями, позволил слезам свободно стекать по лицу. Как я жалок, жалок, жалок... Уснул, обессиленный, в кресле.

Проснулся оттого, что кто-то с упорством стягивал с меня трусы. Какая-то новая девочка, лет двадцати, старательно тянула их, стоя на коленях, даже язык высунула от усилий.

– Эй-эй, ты чего делаешь? – засмеялся я. Спал, похоже, всего несколько минут – щеки еще были влажными.

Она, не поднимая головы, ответила:

– Роза сказала, ты не в духе и устал. Чтобы я все сделала сама.

– Ах, Роза... – выдохнул я.

Посмотрел еще раз на девчонку: короткие волосы лезут в глаза, тощая, а грудь, однако, на месте. Как им так удается, кожа да кости, а грудь хорошенькая, полная. У Ани тоже большая грудь, мягкая и упругая, с сосками цвета верескового меда... Девчонка продолжала возиться, я привстал, помог ей спустить с меня брюки и трусы. Она наклонила голову, но я сначала поймал ее за подбородок двумя пальцами, поднял лицо на свет.

– Эй, – улыбнулся по-доброму, – привет.

8

Несколько недель пронеслись как в тумане. Я ходил в офис, в суд, но ограничивался лишь механической работой – распечатать документ, подписать, заверить; протереть пыль в кабинете, полить цветы. Иногда пытался читать материалы дела, но в голове ничего не оставалось от прочитанного, только томительный шум. Выходил за кофе в полдень, бродил по парку, пока мамыши, выгуливавшие детей, не начинали подозрительно коситься на бесцельно шатающегося со стеклянными глазами мужчину. Иногда, присев на скамейку, крошил голубям остатки своего обеда. Хоть какое-то развлечение.

Чем безнадежнее становилось мое положение, тем меньше я мог контролировать себя. С приближением свадьбы Анны мыслительный коридор мой сузился до желания увидеть ее, хотя бы просто увидеть. Новости о подготовке к бракосочетанию мне подробно докладывал Дугин, который после памятного вечера за картами вдруг завел не дружбу, но приятельство с Богомоловым. Поначалу я отказался слушать, и Дугин пожал плечами равнодушно: не хочешь – не надо, но выдержки моей хватило на три дня, в конце концов я позвонил Михаилу и предложил встретиться за ужином, и ужин был лишь предлогом.

Богомолов не скупился на детали в рассказах о предстоящем торжестве и на саму свадьбу не поскупился также. Платье Ане шили по лекалам модного дома, пригласили около сотни гостей, зал заказали в самом дорогом ресторане города. Меня интересовало все: от меню банкета до списка приглашенных, музыки для танца новобрачных, дизайна колец... Поразительно, но Дугин умел раздобыть любые подробности; иногда прямо при мне звонил Богомолову под благовидным предлогом и как бы невзначай уточнял интересовавшую меня деталь. Как это было мелко, скользко, гадко, не по-мужски. Но я не мог удержаться.

Мало-помалу наше общение с Дугиным свелось к ужинам, чаще всего у него дома, с разговорами о моей несчастной любви, в которых, как иногда казалось, я был единственным активным участником. Впрочем, время от времени Михаил пытался приободрить меня чем-то вроде:

– Может, тебе закрутить с кем-нибудь? Нет ли симпатичной бабы на примете?

На что я отвечал:

– Пробовал уже. Не помогает.

– Плохо пробовал. Не старался. А ты постарайся, Гриша, ты постарайся. Клин клином.

Я качал головой обреченно:

– Ведь ты никогда никого не любил, Дугин, правда же?

– Хм. А ты любил? Любишь свою Аню? – допрашивал он.

– Да. Наверное. Люблю.

– Еще вчера говорил, что сам не знаешь, что у тебя к ней.

– Ах, Дугин, – я закрыл глаза и закинул руки за голову. Он подвинул ко мне через стол бокал виски. – Не спрашивай меня, я ничего не знаю. Кажется, моя голова сейчас лопнет, и мозг разлетится по комнате. Чем больше думаю о ней, тем меньше понимаю, что со мной. Знаешь, я даже не успел спросить себя, насколько мне хорошо с ней, пока мы были вместе, – никто же не предупредил, что все мгновенно закончится, внезапно, без объявления. И вот теперь я только и делаю, что пытаюсь реконструировать прошлое, припомнить мельчайшие

пустяки совместного времени и разобраться, насколько был счастлив тогда. Думаю, память играет со мной шутку, так не может быть на самом деле, но я не помню ни одной минуты, чтобы мне было плохо с ней, ни одного изъяна, чтобы обвинить ее, разочароваться. Все это так... Я словно космонавт, которого отправили на орбиту, но забыли накачать кислорода в кабинку. И я это знаю и вижу в иллюминаторе, как уменьшается Земля, меня уносит прочь со стремительной скоростью, понимаю, что кислорода не хватит, а она все дальше. И мне так страшно, Миша, меня трясет от страха, что я никогда больше ее не увижу!

Наклонился, прижал голову к коленям. Веки набухли, пульсируя, побежала кровь к вискам.

– Землю? – усмешливо спросил Дугин.

– Аню, кретин!

– Сам ты кретин, – беззлобно отозвался он, бросил салфетку на стол, подошел ко мне.

Похлопал по спине отечески.

Я перестал всхлипывать и наклонился к самому полу: из кармана дугинского пиджака что-то выпало, какой-то кусочек цветной бумаги или картона. Он этого не заметил, вернулся на место и снова занялся ужином, а я бесшумно поднял картонку и, держа под столом, украдкой разглядел с двух сторон.

То была почтовая открытка с заграничными штемпелями. На оборотной стороне – фотография зеленого холмистого острова, окруженного океаном. Чуть правее – еще два островка, крошечных, почти как две точки. На лицевой стороне старательным, похожим на детский почерком – небольшое послание слегка выцветшими черными чернилами:

Дорогой брат!

Солнце по-прежнему не щадит нас. Вчера Бруну объявил: если в ближайшие дни не пойдет дождь, он уезжает. Как иронично – мы окружены водой, но ждем ее с неба.

Прогноз погоды неутешителен. Кажется, я снова остаюсь без рабочих рук. Молюсь о твоём добром здравии. Напиши мне хоть строчку, хотя бы слово.

Твой Сергей

И обратный адрес: «Rua de São Luís 16, Cinco-Pontas, Portugal».

– Твой брат живет в Португалии?

Дугин медленно отложил приборы в сторону и уставился на меня. По лицу его проползла тень недоумения, сменилась чем-то похожим на ужас, перешла в растерянность, и наконец на него вернулось прежнее спокойствие.

Михаил похлопал себя по карманам, хмыкнул, оскалился в недоброй улыбке:

– Верни ее.

Я передал ему открытку.

– Тебя не учили, что читать чужие письма – плохо, сынок?

– Дугин, можно подумать, я ее у тебя украл. Ты обронил, я поднял и вернул тебе. Что тут такого?

– Вернул. Сначала прочел, а потом вернул. Ладно, – он снова спрятал открытку в карман, – забудем.

– Нет, погоди, так у тебя действительно брат живет в Португалии? – не унимался я.

Дугин никогда не рассказывал, чтобы кто-то из его родственников обитал за рубежом. Я знал, что он был младшим из шести детей в семье, родители его давно умерли, а с братьями и сестрами он не поддерживал контакта. Оказывается, кто-то из них живет в Европе.

– Живет, – ответил Михаил.

– В Португалии? Вот это да! И чем он там занимается?

– Возит паром с острова на остров, что-то в этом роде. Не знаю точно – я не видел его много лет.

– Он уже давно живет в этой стране?

– Больше пятнадцати лет. Не в самой Португалии, а на острове в Атлантическом океане, в двух тысячах километров от материка.

– Занесла его судьба, однако.

– Да, – Дугин задумчиво почесал шею. – Он и не брат мне, вообще-то. Так, еще один сын моего отца.

– Думал, это и называется братом, – пошутил я, но Михаила захватила серьезность. Может быть, то была болезненная тема, я не хотел давить. Попытался закончить безобидным вопросом:

– Как, ты говоришь, называется остров?

Молчал он до неприятного долго и пусто, прежде чем ответить:

– Синку-Понташ.

«Синку-Понташ, – повторил я про себя. – Синку-Понташ».

Дома, еще не сняв ботинок, я включил ноутбук и долго листал в сети фотографии острова, солнечные отретушированные картинки идиллической природы, океана, прибрежных волн, рассыпающихся о камни, и прочей рекламной потемкинщины. Но красиво, что спорить, и звучит красиво – Синку-Понташ. Уехать бы сейчас на Синку-Понташ, прочь от суеты, что кружится назойливым ульем. Да только как все бросить, оторваться от сущего. Невозможно, исключено.

Засыпал я под собственный шепот, в котором мольба о пощаде сменялась молитвой к Богу и судьбе, слова желания тонули в горестных столах, гудках телефона. Проклятый номер не отвечал, и я не знал, спит ли она уже или смотрит на трубку и раздраженно вздыхает.

На десять минут меня сморило, но очнулся я, как от кошмара, тяжело, в поту и слюнях. Стянул с себя влажную рубашку, вытер ею спину и грудь, запустил в стену. Из ночной темноты постепенно выростали неясные силуэты. Шумело в ушах, я с замиранием сердца вслушивался во тьму, как будто кто-то еще был здесь: скрип половиц, неровное сопение, шорох, металлические скребки... Стало жутко, всепоглощающе страшно, и я схватился в панике за телефон. Услышать человеческий голос, спасительные звуки, поговорить с кем-нибудь – ответьте мне, умоляю!

Дугину, я позвоню Дугину, он мой друг, он всегда рядом, когда мне плохо, а сейчас мне очень плохо. Давай, Миша, ответь, возьми трубку, скотина, скажи мне «Алло!», скажи хоть что-нибудь. Ну пожалуйста, Миша!

Кричал на всю комнату, на всю квартиру – лучше так, разорвать саван тишины, злого шипения исподтишка, вонзиться в неведомого демона острием крика, восторжествовать над своим безумием...

Вдруг я вспомнил, что Михаил не ответит, перестал без конца упираться в его номер, бросил телефон на кровать с остервенением, разразился чернушной бранью. Надо было остаться у Дугина, перебороть себя и попробовать, что он колет. Я тоже всех ненавижу, Миша, хочу, как и ты, выставить их вон из своего сознания, сползая к стене в слепом наслаждении, никому не должный, ни с кем не связанный. Я уже пью почти столько же, не помню, когда в последний раз засыпал трезвым; но только хуже, лишь жалостливее к себе становлюсь, не черствеет сердце. А мне нужно, чтобы черствело.

Никогда не мог видеть, как он делает с собой такие штуки, потому и ушел после ужина. В тот раз, два года назад, когда он уже на ногах не держался и мне пришлось затягивать жгут, стучать по шприцу, стирать каплю крови с его запястья, пену с подбородка, я выблевал потом свой обед и завтрак, все обеды и завтраки вселенной... А он посмел заявиться в суд на следующее утро, сияющий бодростью, в свежей сорочке. Да на мне лица не было, да под этим

лицом не было меня, а он светился благополучием! Он и сейчас где-нибудь на грани – я видел больничные снимки, но считает себя бессмертным, ловит новую волну, не боясь захлебнуться, потому что терять нечего. Правда, ведь, Дугин, терять нечего? Ты безгранично бессмертен, пока жив.

От горячечного бреда спас меня, вытащил из пропасти Игорь Ржевский. Отчаявшись дозвониться Мише, я набрал отцовский номер, и после нескольких глухо гудящих секунд он ответил сонно:

– Слушаю.

Потом, должно быть, разглядел мое имя на экране телефона, встревоженно позвал: «Гриша?»

Я молчал. Так странно было услышать чей-то голос теперь, когда мое помутненное сознание отказывалось верить, что я не один остался на планете, что кто-то помнит меня и зовет по имени.

Что там думал отец, разбуженный ночным звонком Гриши и тишиной в трубку, не волновало меня совершенно. Он же, не разъединяясь, выбежал из дома, прыгнул в машину и через десять минут добрался до моей квартиры. Все это время, едва не срываясь на крик, взволнованный трупным молчанием сына, повторял, чтобы я успокоился, что он уже едет.

– Я люблю тебя, сынок, – говорил зачем-то и зачем-то повторял: – Дождись меня, Гриша. Ты меня только дождись.

И дверь хотел высадить, пошел звонить в соседские квартиры за помощью, но тут уж я дополз, дотянулся до замка и открыл ему.

Ну и ночь выдалась. А ведь у Ржевского назавтра были назначены теледебаты с другим кандидатом на пост мэра. Будет делать вид, что внимательно слушает вопросы ведущей, а сам мягко, как в сугроб, проваливаться через дубль в сонную бесчувственность.

Зато спас сына. Запахнул дверь за собой, скрывая мой срам от любопытных соседей, вывалившихся поглазеть. Волоком дотащил меня в ванную, раздел, замочил под ледяным душем. Отвесил пощечину, когда я вздумал брыкаться. Как над ребенком, стоял надо мной, пока меня не протошнило до кишок, потом усадил на кухонном табурете и приказал объясняться в случившемся, пока сам варил кофе вручную и в кастрюльке смешивал сливки с парой яиц. Он казался рассеянным, а я уже почти протрезвел, но суровое его «Я жду, Григорий!» развязало мне язык, как плетью.

Говорить с отцом об Анне оказалось легко. Он не перебивал, не требовал подробностей и не взывал к приличию. Я позволил себе облечь горе в слова, которых оно заслуживало, пусть и не каждый день отцу рассказываешь такое. В этой исповеди, полной отчаянного желания скатиться в порнографическое нечто, я неизменно останавливался до черты, отхлебывал кофе и смотрел в лицо Игорю Платоновичу.

«Я люблю тебя, сынок».

Или то была лишь одна из моих галлюцинаций?

– Но ты ведь понимаешь, что это не выход? – выслушав, вздохнул он.

– Я и не думал, что это выход. Я просто хотел, чтобы мой мозг перестал работать, хотя бы на одну ночь.

– И тебе почти удалось! – воскликнул внезапно отец. – Чего ты добивался, хотел довести себя до белой горячки?

Он на меня за всю жизнь и двух раз не кричал, и вот. Я уперся взглядом в пол, сердито поджал губы.

Игорь постоял надо мной, молча, лишь краснея от волнения, да как схватит за плечи и начнет трясти:

– Тебе нельзя пить, совсем, слышишь, мальчишка! Тебе даже рюмку опасно, пойми ты, сынок! У тебя наследственность, она никогда не проходит, эта женщина была алкоголичкой!

Я раскрыл рот, изумленно уставился на Игоря.

Он так же внезапно отпустил меня, покраснел еще сильнее, сел напротив и смиренно вздохнул:

– Прости. Я не хотел говорить плохого о твоей матери, но мы не можем убежать от фактов. Тебе нужно быть осторожным, и ты знаешь это. Пообещай, что станешь держать себя в руках, и тогда я смогу спать спокойно ночами. Гриша?

– Обещаю, – через силу ответил я.

– Спасибо, сын.

Утро вот-вот должно было наступить, и Игорь предпочел остаться у меня. Мы еще немного поговорили о моем разбитом сердце, как будто даже смеялись над чем-то, и – странно – не таким уж беспросветным, трагическим показалось мне мое завтра, когда под тихий рассказ папы о своей первой любви я сомкнул глаза и...

9

...Наступило утро. Времени подготовиться к убивавшему меня событию было достаточно, но, когда пришел новый день, я знал, что не готов принять правду спокойно.

Анна выходит замуж. Сегодня она станет чужой женой.

Церемония была назначена на полдень, и я вскочил с постели в десять утра, долго спросонья и перепоя не мог разобрать, который час, не опоздал ли, наконец понял, сел на краю кровати и заплакал.

Я уже не стыдился слез. Нельзя держать боль в себе, невозможно, да и вид у меня в целом был такой, что зареванные глаза уже не испортили бы картины. На телефоне мерцал значок «Сообщение» – Дугин напоминал, что сегодня в полдень свадьба. Заботливая скотина.

Самое время задаться вопросом, что я собирался делать, но недвижимая тяжесть мыслей мешала даже приблизиться к ответу. Казалось, я скорее предпочту умереть, нежели пошевелюсь, решусь на что-то большее, чем протянуть руку за салфеткой, утереть сопли, скомкать и запустить ею в стену.

В какой хламовник превратилась моя квартира за месяц! Фантики от конфет, грязные трусы, клейкие комочки использованных презервативов валялись повсюду, мешая ступать свободно. У радиатора – двенадцать пустых коньячных бутылок (первые три я выставил специально, немым укором себе, но план, как видно, не сработал, и остальные, знаменуя полное падение нравов в душе и жилище Григория Ржевского, беззвучно хохотали надо мной из угла). Моей постели срочно требовалась смена белья, пора бы уже наконец дойти до магазина и купить стиральный порошок и средство для мытья посуды, горы которой не вмещала раковина, и с отрешенной любознательностью идиота я время от времени заглядывал проверить, не развелись ли там тараканы. И каждый раз удивлялся, что все еще нет.

Прошло полчаса, прежде чем мне удалось заставить себя подняться. Кто-то здесь нуждался в душе, бритве и алкозельцере. Медленно, как лишь научившийся шагать малыш, я побрел в ванную, на ходу стянул с себя трусы и бросил на пол.

Холодный душ немного помог, и когда от меня перестало нести псиной, я почувствовал, что мое человеческое достоинство возвращается. Почистил зубы, побрился, надушил подмышки, обработал ссадину на виске от неудачной вчерашней попытки втиснуться в двери лифта.

Я не представлял, что обычно надевают на свадьбу брошенные бывшие – стоит ли вырядиться в отместку упустившей такого красавца невесте или, напротив, облачиться в черное, изображая безутешный траур по упущенному счастью.

А выбора никакого и не было: всего пара свежих рубашек висела в моем шкафу и лишь одни приличные брюки. Кое-как почистил скромный серый пиджак, пропахший сигаретным дымом, оделся, весь вспотел от усилий.

Мне подумалось, что и жених, должно быть, собирался с меньшим тщанием. От мысли этой так стало противно – унижение, которое я предвкушал, уже запачкало меня ушатом подогретого дерьма, и оно медленно, вязко струилось вниз по моей спине и плечам, по моей шее за ворот рубашки... Из глаз снова покатались слезы.

Пора было идти, если я еще хотел успеть до начала, но успокоиться никак не удавалось, и оттого, что времени на истерику уже не было, я паниковал, потел и всхлипывал только сильнее.

«Надо решать», – убедил я себя наконец, выскочил из квартиры и побежал. Слезы так и текли по моим щекам, и таксист удивленно косился на меня всю дорогу до загса.

Повезло им с погодой – почти весенний, майский денек посреди ноября. Разве что трава бессильно-желтого, чахоточного цвета да деревья худы без листвы, но грело как в мае, небо было безоблачно. В саду, примыкавшем к зданию загса, как всегда по субботам, крутились группки нарядно одетых мужчин и женщин. Ленты, шарики, рассыпанный по ступенькам рис... Я миновал двух совсем чужих невест при полном сопровождении, пока не нашел свою-чужую.

Сначала у распахнутых дверей парадного входа мне встретились ее подружки, девчонки-модели, с которыми вместе Анна снималась в рекламе, ходила по кастингам.

«Расстегните блузку еще немного, милочка, взгляд более горячий, добавьте секса. Пусть правая грудь будет слегка видна. Так-так... Следующая!»

Неблагодарное занятие – манекенничать, и Аня уставала сильно, задерживалась допоздна, а когда не было предложений, ходила злая, но все же это было лучше, чем, как прежде, задолго до нашего знакомства, когда ее, официантку в кафе, любой мог облапать и «клиент всегда прав». Интересно, позволит ли Богомоллов ей работать так и дальше?

Подружки невесты, одетые в одинаковые голубые платья и меховые накидки, перешептывались и хохотали, муж одной из них – как-то раз мы вчетвером ужинали в ресторане – заметил меня и мигом посерьезнел. Стараясь сохранять лицо, он едва заметно кивнул мне и застыл, не решаясь посвятить кого-то в тайну моего присутствия, пока я не отвел от него взгляда.

Толпа справа схлынула, когда их маскарад с Мендельсоном и криками «Горько!» на кинокамеру завершился, на ступеньках перед входом остались лишь гости «моей» свадьбы. Тут, в окружении нескольких немолодых пар – чьи-то родственники, наверное, – я увидел застенчиво жмущуюся к колонне маму Андрея.

Сомнений в том, что это она, не было ни малейших – их сходство поражало. Те же маленькие темные глазки, стянутые к центру, выдающийся вперед подбородок, то ли с обидой, то ли с презрением к собеседнику. Скромно, но празднично одетая, русые в седину волосы подколоты на затылке, пальцы подрагивают нервно на прижатой к груди сумочке. Она напоминала испуганного олененка, никто не заговаривал с ней, как будто не было среди всей этой толпы ни одного знакомого человека, а она, очевидно, слишком робка была для того, чтобы завязать с незнакомцами беседу. Сердце мое дрогнуло, умиленное, и вместо поисков Анны я двинулся к маме жениха.

Встал, вроде невзначай, рядом и заговорил:

– Всегда чувствую себя инопланетянином, если никого не знаю на празднике. А вы?

Она вздрогнула и обернулась ко мне. Черные глазки расширились, на губах пролегла, крася щеки, сдержанная улыбка.

– Григорий, – представился я и протянул руку.

Она кивнула, нечеловеческим, казалось, усилием оторвала свою ручку от сумки и подала мне навстречу.

Рукопожатие наше длилось полсекунды.

– Лариса. Я мама...

– Вы мама Андрея. Я догадался, вы с ним очень похожи, – и тут меня одолел приступ истерического смеха, вся нервозность вылилась в нем, но я постарался тут же успокоиться, чтобы не напугать собеседницу.

– Извините. Просто это забавно. Мою мать тоже зовут Лариса.

– О, – отозвалась она вежливо, но настороженно.

Похоже, я все-таки произвел на нее впечатление слегка невменяемого.

– В общем-то, она и не мать мне.

– О, – снова изрекла мама Андрея.

– Она меня усыновила, когда моя настоящая мать бросилась под колеса машины, спасая ее, и погибла.

– Боже! – воскликнула Лариса. Теперь она с живым участием слушала меня. Как я и говорил, в светской беседе главное – правильно выбрать тему.

Но между тем себя заткнуть я уже не мог – нервы заставляли нести весь вздор, что приходил в голову:

– Она бы, не подумайте, не бросилась, если бы не увидела огромный Ларисин живот – та ждала ребенка, срок был приличный уже. Ну и еще она так осмелела, потому что выпила. Как обычно. Она была алкоголичкой, моя мать.

Между нами царил настоящая праздничная атмосфера – разговор способствовал. Мама Андрея развернулась ко мне, вся внимание, прижала указательный и средний пальцы к губам, скривленным в изумлении и печали. Она почувствовала, что настало время что-то сказать.

– А сколько...

– Мне было десять лет. Скажете, уже довольно взрослый? Но я был немного отсталым в развитии, так что можно считать, что мне было меньше. Я даже не понял, что произошло, когда явились за мной и забрали в интернат. Все повторяли: «Твоя мама уже не вернется, твоей мамы больше нет». А я никак не мог понять, о чем это они, почему не вернется, как ее может не быть... Знаете, что самое смешное?

Я снова принялся хохотать, чувствуя, что еще немного, и зарыдаю – так это было близко. Слушательница моя округлила до максимума возможного глаза, в которых любопытство и ужас непрестанно сменяли друг друга.

– Самое смешное, что моя настоящая мать только зря старалась, потому что Лариса все равно потеряла ребенка. У нее каждый раз случался выкидыш, шесть раз подряд, и в этот раз случился тоже. А потом Лариса узнала, что остался я у моей настоящей матери, и решила: «Если Бог не дает мне детей, возьму-ка этого мальчика, будет мне вроде сына, и, даст бог, смогу его полюбить». Но не дал ей бог, не дал. Не смогла. Не вышло, какая досада!

Я немного повысил голос, увлекшись, и кто-то из близко стоявших даже оглянулся на нас.

«Все, Гриша, пора прекратить вести себя как сумасшедший, ты уже до полупаралича довел бедную женщину, а ведь у нее и так муж – паралитик».

– Вы друг Андрюши? – спросила она, да как-то по-доброму, с этим нежным «Андрюша», что истерика моя в тот же миг прошла.

Я даже чертыхнулся от удивления, за что поспешил извиниться. Не хотелось обманывать новую знакомую, но сознаться, кто я такой, было бы еще преступнее. Поэтому я лишь согласно кивнул и попытался перевести разговор на другие темы. Как, например, она себя чувствует на предмет женитьбы сына, довольна ли его выбором?

Лариса Богомолова улыбнулась тепло и мягко, и вся тяжесть ее массивного подбородка вдруг куда-то исчезла:

– Андрюша у нас давно уже сам все решает, мы ему не советчики. Вот когда папа его был здоров – может быть, вы знаете, что у нас... Знаете?.. – Я кивал и моргал понимающе. – Так

вот, когда папа был здоров, он еще прислушивался к его мнению. А сейчас что ж. Да и вырос он уже.

Она помолчала, но я слышал, что хотела продолжить, а потому терпеливо ждал. Наконец Лариса решилась:

– А вы хорошо знаете Андриюшину невесту?

Тот же вопрос собирался задать и я, но выходило, что мне предстоит быть адвокатом Анны. Все веселее и веселее.

– Не сказать, чтобы уж очень хорошо, но знаком с ней, да.

– И как она вам? Как вы считаете, как Андриюшин друг, правильно, что они женятся? Нравится вам эта девушка?

Крупные искры запрыгали в моих глазах. Правильно ли, что они женятся? Нет, милая мама Андрея.

Но я не тот человек, кому стоило задавать подобные вопросы, поэтому, поразмыслив, ответил лишь на один из них, в котором не лукавил:

– Да, Анна мне нравится. Она замечательная – сомневаюсь, что можно найти лучше.

Лариса обрадовалась до слез в уголках глаз, пришлось даже «угостить» ее носовым платком.

«Вот же, – думал, – Григорий Ржевский – истина в последней инстанции. Чего она мне так поверила?»

Вытерла глаза, скромно украшенные голубыми тенями, протянула платок обратно:

– Спасибо вам.

– Да не стоит, пустяки, – ободряюще улыбнулся я.

– Нет, не за это. Спасибо вам, что поговорили со мной. Я ведь здесь никого не знаю, а Андрей так занят, что не успевает даже подойти, вот и... Я необщительная, мы с папой его живем за городом, на даче – там и слова сказать не с кем большую часть года, вот и отвыкла, наверное.

– Совсем не отвыкли, – запротестовал притворно я. – У вас отлично получается!

– Это потому, что вы вежливый молодой человек, спасаете старуху. Что бы я тут одна делала! – продолжала благодарить она.

– Не наговаривайте на себя, вы очаровательная молодая мама жениха, и я отказываюсь спорить на эту тему, – я галантно препирался.

Вот чего не хватало ей все годы, наполненные изнурительным трудом сиделки собственного мужа – человеческого тепла. Простых ласковых слов, хоть от незнакомца, пусть и случайно сказанных. В ее преобразившихся, посветлевших глазах я, как в раскрытой книге, прочел пустоту восьми прошедших лет, болезненную эрозию, брешь, залатать которую могло бы одно доброе слово, увы, никем никогда не сказанное. Но рядом со мной она светила жизнью и действительно казалась гораздо моложе своих пятидесяти.

«Да что эти годы вообще значат?» – думал я. Пройдет еще немало времени, прежде чем мне откроется, что вопрос мой был не праздным.

– А вот и Андриюша! – вдруг вскричала Лариса Богомолова, и я обернулся.

Ее сын, окруженный толпой гостей чуть поодаль от нас, нервно переминался с ноги на ногу и поглядывал на парадный вход. Одет он был как типичный жених, опрятно и нелепо, напряженно улыбался репликам друзей и то и дело проверял время на экране телефона. Меня Андрей еще не заметил, мать свою – и подавно. Его ожидание сосредоточилось на дверях, из которых, я понимал теперь, должна появиться невеста.

– Вы извините меня? – учтиво кивнул я Ларисе и двинулся, прикрывая лицо ладонью, к задней, «разводной» двери здания загса.

Внутри гремела торжественная музыка – заканчивалась церемония еще одной пары. Многочисленные их гости повалили из зала в широкий коридор, и я растворился в толпе,

тут же получил бокал шампанского в руки, выпил за здоровье молодых, расцеловался с плачущей свидетельницей и вальсом, вальсом выскользнул в закоулок, в сторону уборной. Если Анна в здании, она должна быть где-то здесь.

Я схватился за ручку двери дамского туалета и застыл, прислушался. За стенкой звучал девичий смех. Я узнал голос. Она.

Дверь распахнулась, меня потянуло вслед за ней, и перед моими глазами возникла высокая тучная брюнетка в голубом – одна из подружек невесты, не модель. За ее мощной спиной я тщетно силился разглядеть больше, чем длинный подол белоснежного платья.

– Ой! – пискнула брюнетка. – Это ведь женский!

– Ой, – ответил я, – а я знаю.

Оттеснил ее, выпихнул прочь, закрыл за собой изнутри.

Внутри оказалось довольно тесно – сиденье унитаза, умывальник, зеркало слева, пара квадратных метров пространства. Здесь, на этих самых двух метрах, стояли мы с чужой невестой: я у двери, она у зеркала. Я, бледный от волнения и страха, она, дочерна загорелая, румяная, темноглазая. Прикусила губу, глядя на меня молча. Так, словно и не удивилась вовсе. Словно ждала, что явлюсь.

– Привет, – глупо, но я не нашел, чем еще начать. – Какая ты красивая...

Она кивнула, каштановые волны, закрученные спиралью, слегка пошевелились.

– Значит, ты и правда выходишь замуж, – хрипловато, сглатывая последнюю влагу на онемевшем нёбе, сказал я.

За дверью скреблась и скулила подружка невесты.

– Люда, я сейчас приду! – крикнула Анна. – Все в порядке! Дай мне две минуты!

Вернулась взглядом ко мне, вопросительно вздернула бровь.

– Дай мне две минуты, – попросил я.

– Две минуты. Хорошо, Гриша.

Но я бы мог сделать что-то в подаренные две минуты – и что, однако же, мог сделать я, чтобы изменить течение этой реки? Какие слова, интересно, способны помочь, если глаза говорят слишком многое, но не получают ответа? Такой прелестной и почти целомудренной я еще не видел Аню, но одновременно она как будто повзрослела на несколько лет, стала настоящей роковой женщиной, знающей четко свои «да» и «нет». Смотрела на меня откровенно и внимательно, без страха поколебаться. Какие из моих слов могли бы сломить уверенность в ее глазах?

– Ты его любишь? – все, что пришло мне на ум. Растерянный, я незаметно оперся о стену, боясь пошатнуться от нервной дрожи.

Анна кивнула опять.

– А как же я?

Как патетичен был мой вопрос, но она не замедлила ответить:

– Гриша, я выхожу замуж. Если ты сейчас устроишь сцену при Андрее, я тебя никогда не прощу. Ты должен принять мое решение; я желаю тебе удачи, но не порти мой день, пожалуйста.

– Ты уже ничего ко мне не чувствуешь?

Она провела языком по губам, сощурилась и вздохнула:

– Я выхожу замуж.

– Ты не отвечала на мои звонки. На мои сообщения.

– Гриша, я выхожу замуж.

– Не ответила ни разу! Я звонил тебе сотни раз. Почему?

– Я выхожу замуж, – голос ее оставался невозмутим.

– Я люблю тебя.

И мы оба смолкли. Две минуты давно прошли, я нервничал, понимая, что еще немного, и придут искать невесту, но ведь мне очень нужно было ей что-то сказать... Только вот что? Это самое «я люблю тебя», мой главный козырь, брошенный на стол в жалкой попытке отыграть последнюю монету, поставленную на кон.

– Я тебя люблю, – и в углах моих раскосых глаз сморщилась кожа в складки, увлажнилась, как рыхлая почва после дождя. Слова ничего не значат, но я никогда еще не верил так в сказанное, как в те секунды. И крайний мой аргумент, перекрывавший все по силе искренности, – я видел и сам, – недостаточно был хорош, ловок, чтобы что-то изменить. Наверное, стоило пуститься в многословные уговоры, обещания счастливой жизни, рассказать, как ярко засияет мир, когда она вернется ко мне, но я не чувствовал в себе сил изображать уверенность в своих силах. Я до смерти напуган был тем, как мы стояли друг напротив друга, совсем чужие, и она лишь ждала, когда мне надоест говорить глупости.

– Гриша, я выхожу замуж. Все уже не имеет никакого значения. Меня ждут, мне пора.

Проплыла мимо, хлестнула облачком духов. Лилии, сладость возбужденного дыхания... Я хотел схватить ее, удержать, коснуться плеча ладонью, но это было бы неуместно, да и ни к чему бы не привело. Поэтому я отступил в сторону, дал ей пройти, а сам остался в туалете, даже не представляя, что же теперь.

Шли минуты, которых не замечал я, лишь холодело в предчувствии беды сердце, и вот послышался новый раскат свадебной мелодии – их очередь наконец наступила.

Повинуясь желанию растерзать окончательно свою душу, я выбрался незряче в коридор, пошел на усиленный микрофоном голос представительницы загса, встал за толпой гостей, в третьем ряду, и оттуда наблюдал, как освещенные дополнительной софитовой лампой, во вспышках камер, стоят Богомоллов и Анна, стоят, касаясь плечами друг друга, шлейф платья путается в его ногах, и с лицами серьезными и важными внимают торжественной речи дамы с папкой в руках.

О том, как им придется беречь друг друга, лелеять, в богатстве и бедности, терпеть его смурной характер по утрам, ее истерики из-за сломанного ногтя, плохого самочувствия и бог знает чего еще, делить горечь будущих утрат, стараться хранить верность друг другу (опционно) и так дальше и дальше...

Ячейка общества, новая ячейка...

«Согласны ли вы, жених?» – «Согласен».

«Согласны ли вы, невеста?»

Как просто, как искренне она сказала «да», повернула к нему голову и улыбнулась, ямочки щек взметнулись вверх. Ее глаза сузились, счастливые, блеснули глянцевой пленкой слез. Богомоллов оставался серьезен до конца, когда они обменялись кольцами, поцеловались, и струнный квартет заиграл что-то из классики, приглашая гостей поздравить молодых.

Все вокруг меня рыдали. Не скрою, красивее пары и я не видел давно, и в том моменте, когда шестерни двух судеб сцепляются в еще не вполне ясный механизм, есть и было, безусловно, что-то волнующее, и все же мои глаза оставались сухими и даже щипали от сухости, покрасневшие веки припухли. Лишь когда я покинул толпу, сел на скамейку в коридоре и закрыл лицо руками, хлынул поток из моих глаз, горло захрипело рокотом подавленного рыдания. Все кончено, я видел, как они стали мужем и женой. Для меня все кончено – никаких больше глупых надежд возвратить Анну.

Не помню, как я вернулся домой. Кровь скакала в сосудах, бурля, бросалась в виски, завлакивала обзор, свинец в ногах и спине сковывал шаг. Паршивее всего было вдыхать с каждым движением тела теплый осенний воздух, пахнувший радостью, обновлением и жизнью. И я, труп, по ошибке не положенный в могилу, должен притворяться таким же живым и радостным. Дьявол, не желаю!

Откупорил еще одну бутылку, отхлебнул из горла, разделся, лег в постель. Вот так, лежать голым, в одиночестве, часами, днями, пока волдыри пролежней не заполнят каждый сантиметр мерзкого тощего тела, сдохнуть от голода, жажды, сгнить заживо. Самой жуткой, невообразимой смертью умереть...

Я бы даже записки не оставил – зачем? Не нужно мне одолжений со скорбью и запоздалым: «Что же я наделала!» Где ты, когда так нужна мне, прямо сейчас нужна, Аня?!

Думал: «Кретин, почему ты ничего не сделал, чтобы помешать ей выйти за другого? Ведь у тебя было время, и вы – совсем одни, она слушала тебя, и никто из вас не забыл – как можно! – те мгновения ваших ночей, когда, казалось, умрешь от удовольствия обладать ею, когда ты прижимался губами к ее груди, разглаживал языком затвердевшие морщинки соска, двумя пальцами проникал в нее, так глубоко, как мог, слушая, как замирает и бьется она в блаженстве, потом клал эти пальцы ей на губы, и она принимала их во всю длину, лизала и посасывала, готовая принять вот так все, что ты ей предложишь...

И ты молчал, дурак, ты не сказал ей ничего, кроме «я люблю тебя»! Что значит это «я люблю тебя»? Просто банальная фраза – думаешь, он не говорит ей такого? По три раза на дню! Этим не удержать Анну, этим не соблазнить, не вернуть ее. Ты должен был напомнить ей, как неистово содрогались ваши тела, влага изливалась из вас сверх меры, в ушах звучал белый шум, слюна стекала из открытого рта, неуголенного поцелуем... Как ты любил ее здесь, в своей жаркой постели, на полу, прижимая спиной к раскаленному радиатору, к кафелю под струями горячей воды в душе. Вы были один кипящий котел страстных ласк, пламенеющий шар; зачем ты не подобрал угли, не дал им загореться снова? Она бы сдалась, она бы вернулась к тебе, ей ни с кем не могло быть так хорошо, как было вам вместе...

Но ты, жалкий трус, не сказал ничего, отделался простым «я люблю тебя», как будто ему была цена в ту минуту. А теперь лежи тут, униженный, оставленный, растоптанный обрубок мужчины, не сумевший отвоевать свое. Лежи, жалей себя, разглядывай с тоской свои останки, пока твою женщину будет иметь другой. Навсегда, по праву: ее муж. Ее муж. Его жена».

10

Тяжба между Груздевым и Молодским длилась уже четыре месяца, и я по-прежнему не сомневался, что на этот раз выиграю у Дугина. К счастью, и беглого взгляда на материалы дела было достаточно, чтобы убедиться – шансов вырвать победу у Михаила нет. Заглядывать глубже я не торопился: юрист во мне ежедневно проигрывал несчастному мужчине, не желавшему делать ничего, кроме как предаваться воспоминаниям и философии пессимизма.

Дважды за прошедшее со свадьбы Богомоловых время я столкнулся с Анной. Первый раз – тележками в супермаркете спустя месяц после церемонии.

– Как поживаешь? – спросил я, улыбаясь через силу и дыша глубоко, словно на уроке йоги.

Анна была любезна и не спешила сбежать, поэтому я позвал ее пообедать, и она согласилась. Нагрузив автомобили покупками, мы отправились в уютное кафе сразу за углом моего дома.

Все как прежде, рассказывала Анна. Работы немного, последние съемки закончились еще до ее замужества, но теперь она подумывает о том, чтобы завершить карьеру, и Андрей поддерживает эту идею.

Говоря о муже, Анна заулыбалась, и я спросил себя, зачем пригласил ее сюда, если знал, что от всех этих разговоров будет больно.

– Неужели станешь домохозяйкой?

Капля апельсинового сока застыла на ее полной нижней губе. Анна откинула челку к виску:

– А вдруг стану?

– Не верю, – я наигранно засмеялся.

Густо обведенные сиреневым, глаза Анны искрились беззаботной радостью встречи со старым знакомым, в ней не было – в таком милом женском кокетстве, с которым она предлагала мне закурить, хотя я поначалу убеждал ее, что бросил, – ни намека на сожаление о прошлом и настоящем своем.

Я рассказал о работе, хотя смолчал о том, что почти не уделяю ей должного внимания с тех пор, как мы с Аней расстались. На вопрос об успехах в личной жизни, тушуясь, ответил, что свободен, и тем не менее бывают иногда встречи, но ничего серьезного. Внимательно следил за реакцией: промелькнула секунда, когда я готов был себе поклясться, что ее задело известие о «встречах». Впрочем, это могло быть игрой моего воображения, и я решительно настоял позже, наедине с собой, что не стану питать надежды, будто она все еще что-то чувствует.

Наш ни к чему не обязывающий ланч на двоих так и остался бы всего лишь ланчем, если бы днем позже я не поделился этой историей с Дугиным, поскольку ощущал острую необходимость получить чей-то совет. Изложил все в подробностях: заказанные в кафе блюда, вплоть до размеров порций и стоимости, каждый жест, интонацию, наклон головы Анны, каждую ее реплику, ответ на каждую мою фразу.

Дугин слушал с азартом напавшего на верный след сыщика, затем, когда я замолчал, выдохшийся от усилий припомнить все в точности, он откинулся на спинку дивана – снова ужинали дома у Михаила – и резюмировал:

– Будь я проклят, если у этой девки, прости, если у этой Анны не осталось чувств к тебе!

Я нервно сцепил пальцы и уставился на Дугина. Маленькие хитрые глазки Михаила не мигая смотрели в ответ. Он довольно причмокнул, раскуривая сигарету смеющимися губами, и добавил:

– Это, конечно, только мое мнение. Личное, так сказать. А ты уж решай сам.

Мне показалось, комната вот-вот закружится, от волнения я перестал дышать и закрыл глаза.

– Не знаю, – наконец произнес осторожно, – не самообман ли это? Я так хотел, чтобы что-то осталось, и, возможно, выдаю желаемое за действительное. Вполне вероятно, что я преподнес тебе события...

– Послушай, сынок, – перебил Дугин и застучал нетерпеливо ногтями по спинке дивана. – Если бы твой рассказ был преувеличен, хотя бы частично вымышлен, я заметил бы это сразу. То, что ты рассказываешь, лишь подтверждает мои догадки.

– Какие догадки?

– Видишь ли, я общаюсь с Богомоловым...

Это я, конечно, знал, хотя и не мог найти объяснения странному их přátельству.

– ...и изредка он делится деталью-другой из новой семейной жизни. Как я успел заметить, в отношениях голубков назревает конфликт, связанный с тем, что кто-то из них никак не может оставить в покое прошлое. Понимаешь, о чем я?

Я задумчиво провел спотевшими ладонями по коленкам.

– Ты, правда, считаешь, что это может быть из-за меня, Миша? – поднял на приятеля взгляд.

– Уверен! – Дугин всплеснул руками как-то уж совсем театрально.

Мои глаза закрыло пеленой.

– Мне казалось, это конец. Она замужем...

– Ну и что, замужем. Подумаешь! Не слышал о такой штуке, как развод?

– Ох, Миша, – сквозь зубы процедил я. – Ты сейчас как будто достаешь труп из могилы и пытаешься открыть ему глаза.

– Дело твое, малец, – пожал плечами Дугин. – Я всего лишь выразил мнение.

И его «мнение» не давало мне покоя всю ночь. С бока на бок ворочался я, размышляя, возможно ли, чтобы Михаил оказался хоть на долю процента прав, чтобы хотя бы отголоски былого чувства не затихли в сердце Ани. С самой свадьбы я старался примириться с мыслью, что эта женщина для меня потеряна, и вот теперь, с новой вспышкой надежды – а что с ней, собственно, должен был я делать? Как сводило с ума ощущение шаткости – где же найти опору, четкий факт, ласковый взгляд, не подлежащий сомнению? Одно я знал: если воистину есть этот шанс, как бы ничтожен он ни был, я уцеплюсь за него.

Вот почему вскоре после нашей первой встречи с Анной состоялась вторая, на сей раз неслучайная. Я три дня подряд парковал машину чуть поодаль от ее дома и проводил часы в ожидании. На третий день она подъехала, вынула из багажника несколько сложенных одна в другую коробок и направилась в свою квартиру. Выждав десять минут, я поднялся следом.

Позвонил в дверь и напряженно прислушался. Четкого плана действий у меня и сегодня не было, поэтому, когда она открыла дверь и удивленно выдохнула мое имя, я произнес растерянно:

– Как дела, Анечка?

Впустила меня, но тут же засыпала вопросами: как я узнал, что она здесь, что вообще здесь делаю? Руки ее были в пыли, колени тоже. Она объяснила, отряхиваясь, что собирает кое-какие свои вещи – часть их все еще хранилась в ее квартирке, пока они с Андреем не определились с покупкой более просторного жилья.

– Так что ты здесь делаешь, Гриша?

Душный воздух комнаты раздражал горло. Я покашлял, подошел к окну, раскрыл его нараспашку, развернулся к Анне, продолжавшей с интересом наблюдать за мной. Она повела носом, вдыхая свежесть из раскрытого окна, встала рядом, едва касаясь моей ноги бедром.

Я весь мгновенно напрягся. Коснись она меня еще раз, и вулкан извергся бы немедленно. Кажется, она улыбалась даже, наблюдая за тем, как я сдерживаю себя.

– Сережка твоя нашлась, – сдавленно ответил я и достал из кармана цепочку переплетенных колец. – Помню, ты так расстроилась ее пропаже. Решил вернуть.

Я пожимал плечами, словно это обычное дело, но напряженность моя никого не могла обмануть.

Анна с хитрой улыбочкой потянулась ко мне, мазнула пальцами по ладони, сняла с нее сережку.

– Спасибо. Ты очень мил.

Мы продолжали стоять рядом, глядя друг другу в глаза, и я позволил себе оторвать руку от подоконника, положить ей на щеку – она не дернулась, лишь закрыла глаза, мгновение, казавшееся часами, подрагивали ресницы. Я погладил щеку, повел ладонью по подбородку, к шее.

– Стой, – как заклинитель змее, осторожно сказала она. – Гриша, остановись.

Но продолжала стоять, слегка выгнув спину призывно. И вместо того чтобы послушаться слов ее, я прижал свободной рукой Анну к себе за поясницу, закрыл глаза и уткнулся губами в ее губы. Сочность помады мгновенно растаяла, она издала стон, открыв дорогу моему языку, и замерла.

Оторопь эта, питаемая страстными ласками, продолжалась не дольше минуты – Анна вдруг отшатнулась, поправила блузку на груди, вытерла досуха губы:

– Скотина.

– Мне не показалось, что ты против, – возразил я.

– Я, между прочим, замужем, – уточнила Анна.

– И это ошибка, – произнес я с уверенностью.

Анна обвела взглядом комнату, снова повернулась ко мне с рассерженным видом.

– Только попытайся навредить моему браку. Только попробуй.

Подошла к входной двери, намеренно громко ступая, распахнула ее и прокричала:

– Убирайся вон!

– Я ведь знаю, что у вас не все в порядке, – не двигаясь с места, сказал я.

– Не твое дело. Убирайся!

– Послушай, Аня...

– Вон, Ржевский, оставь меня в покое. Вон отсюда!

Она схватила с полки в прихожей туфлю и запустила в меня, шпилька угодила мне в плечо, болезненно отрезвила. В глазах Анны полыхал огонь настоящего негодования. Я не посмел продолжить.

Вылетел из квартиры, из дома и, как пьяный, пошел бесцельно к центру города. Вспомнил уже в другом квартале, что машина моя осталась у Аниного подъезда, но назад возвращаться не стал – подъехал в офис на такси и лишь вечером, на обратном пути, забрал автомобиль. Свет в окнах ее квартиры уже не горел.

Об этой неудачной попытке Дугин узнал только через два дня, хотя теперь мы встречались в суде ежедневно – в тяжбе Груздева – Молодского появились новые факты, и Михаил безуспешно пытался применить их на пользу своему клиенту, заявляя и дозаявляя к материалам дела дополнительные. Я еле успевал читать этот ворох бумаг, бессмысленных и лишь затягивавших рассмотрение дела, но, видимо, только так Дугин мог откладывать свое неизбежное поражение. Было очевидно, что он тщетно силился отыскать выход, подсовывая суду третьесортные свидетельства, прекрасно зная, что рассмотрение их лишь отсрочивает момент, когда победа впервые, да еще в таком крупном споре, останется за мной.

Так вот, Дугина я посвятил в подробности неудачного свидания с Анной лишь через два дня – поначалу и вовсе хотел промолчать, догадывался, что он будет надо мной смеяться. Но не выдержал, и против моих ожиданий Михаил отреагировал на рассказ вполне по-человечески.

– Не раскисай, дружище, – похлопал он меня по плечу и улыбнулся сочувственно. – Разве поймешь этих женщин? Сегодня она тебе вешается на шею, завтра выгоняет из квартиры. И все-таки, заметь, Анна тебя оттолкнула не сразу, как ты полез ее лапать.

То-то и оно. Сколько же времени я об этом думал, перестал вообще думать о чем-либо еще. Порой садишься с подшивкой судебных актов – нужно отработать и сдать ее в архив сегодня же, сидишь над ней, подперев голову руками, час, второй, третий. И все три часа ни секунды мысли твои не направлены на бумаги, ни секунды не отрываются от нее, от попыток понять ее поступки, угадать ее чувства, мысли. Встаешь из-за стола, взмыленный, готовый расплакаться от усталости, но ты ведь ничего еще толком не сделал сегодня! А сил уже нет, ты истратил их на то, чтобы перестать думать о ней, – и безрезультатно. Спускаешься на первый этаж, просишь ассистента заняться подшивкой, наутро интересуешься с видом занятого босса, все ли готово. Получаешь утвердительный ответ и веришь, потому что на самом деле тебе плевать на это. Сегодня ты опять проведешь весь день в мыслях об Анне.

И сколько бы времени я о ней ни думал, по-прежнему оставался полон сомнений. Мне бы давно следовало сказать себе, что замужество Ани – та самая черта, за которой кончаются надежды. Но глупое сердце в каждом моменте прошлого искало и умудрялось находить пусть слабые, но следы былой страсти, утраченных чувств, и если не обманывалось оно, то следы эти предполагали, что не все еще в прошлом, сулили мне призрачную надежду, а я, уязвленный, изжаленный ревностью и ядом утраты, готов был довериться призракам надежд. Не раз и не дважды спрашивал себя, не плод ли моих фантазий эти знаки, что не все потеряно. И наверняка уверился бы, что обманываю сам себя, но, к счастью, рядом был Дугин, и если он видел то же, что и я, на основании одних фактов рассудочно приходил к тем же выводам, что и я, то ошибки здесь определенно быть не могло – в нашей с Аней истории еще не поставлена точка. И я позволял себе думать о ней, раз это было так.

Словом, с Дугиным, у него дома я проводил времени едва ли не больше, чем без него. Являлся и сам в любой час дня и ночи, и по его приглашению. Раньше он не любил внезапных визитов к себе, но теперь, видя мое состояние, смирился и уже не возражал, когда я врвался в чуть приоткрытую дверь в три часа утра с восклицанием:

– Я понял, что она имела в виду, когда сказала: «Я, между прочим, замужем!»! «Между прочим», понимаешь?

В одну из таких внезапных ночей я застал его расслабленным после визита к мамаше Розе; пустой взгляд расширенных зрачков не оставлял сомнений. Настроение у Дугина было меланхоличное, его тянуло поболтать.

– Знаешь что, малец? – говорил он, пока откупоривал бутылку. – Сейчас папочка угостит тебя настоящим португальским вином, не той мочой, что можно найти у нас в супермаркетах, а настоящим португальским вином!

– Пришла посылка от брата? – улыбнулся я, выбирая место на диване поудобнее. Я не заметил, как, услышав мои слова, Дугин резко развернулся со штопором в руках, и, лишь когда наконец поднял на него глаза, увидел – что-то не так.

– Откуда ты знаешь про моего брата? – ткнул Михаил штопором в воздух, ко мне. Голос его стал металлическим.

– Как это «откуда», Миша? – удивился я. – Ты сам мне о нем рассказывал, я видел открытку...

Он еще немного постоял, как на допросе, недоверчиво вглядываясь в мое лицо, а потом так же внезапно расслабился вновь и захохотал:

– Тогда понятно, Гришка.

Передал мне бокал, упал рядом, бросил на стол смятую картонку. Я потянулся за ней, расправил и принялся разглядывать.

– Ты же ее видел, – махнул рукой Дугин. – Расскажи мне лучше, что нового у тебя с Анной.

Он отлично знал, что ничего, иначе я бы уже все выложил сам, впрочем, отсутствие новостей никогда не мешало мне заводить с Дугиным многочасовые беседы об Ане. Но сейчас я был слишком увлечен, чтобы ответить.

Михаил ошибался – в прошлый раз я видел не эту открытку. На этой вместо фотографии острова Синку-Понташ был изображен мужчина в старинной военной форме, с коротко стриженными волосами под фуражкой или шляпой, с неприятным, жестоким и даже хищным смуглым лицом. Один глаз у него был перехвачен черной повязкой наподобие нашего Кутузова, а второй смотрел холодно и надменно, словно отыгрываясь за оба.

– Ну и рожа, – сказал я. – Кто это такой? Твой брат?

Дугин раскрыл рот во всю ширь, как на приеме у стоматолога, и загоготал. Он не мог остановиться еще минут пять.

– Ясно, не твой брат.

Под портретом имелась небольшая подпись: «Francisco Miguel Gomes». Какой-нибудь местный герой гражданской войны, предводитель партизанского отряда или что-то вроде того, должно быть.

Адрес отправителя был тот же, короткое письмо начиналось знакомым обращением: «Дорогой брат!»

Я помедлил, прежде чем читать дальше, но Дугин продолжал пьяно хохотать, и никто другой помешать мне не мог.

Дорогой брат!

Бруну выполнил свою угрозу и уехал. Надя не находит себе места, винит в его отъезде меня – ясно, что у этих двоих не просто дружба, ну да теперь все в прошлом. Сегодня утром небо заволокли тучи, быть дождю, а мне не радостно.

Я вспоминаю с самого утра твоего мальчишку и молюсь о нем, но на душе такая печаль и тревога, что я не выдержал и открыл бутылку. Шлю и тебе подарок, лучшие сорта урожая этого года. Прошу тебя, напиши хоть слово, все ли в порядке, сжался надо мной.

Твой Сергей

Четыре раза перечитал я открытку. Дугин уже перестал смеяться, занялся вином, попробовал и я.

– Миша, а Миша...

– Чего тебе?

– А кого это брат Сергей называет «мальчишкой»?

– Какой брат Сергей?

– Ну, твой брат Сергей, с открытки.

– Ах, этот, – Дугин закрыл мечтательно глаза, откинулся на спинку и забросил ноги мне на колени. – Да какой он мой брат, скажешь тоже.

– Так, и все же, кого он называет «мальчишкой»?

– Ржевский, а ты не обнаглел? Это уже вмешательство в личную жизнь гражданина. Хочешь схлопотать?

Презюмировалось, что у Миши не было детей. Трижды разведенный, он не уставал повторять, что совершил это три раза, а придет день, совершит и еще, чтобы снова подтвердить истинность изречения: «Хорошее дело браком не назовут». Но детьми ни в одном из трех браков Михаил не обзавелся. Так он мне говорил когда-то.

– Все-таки у тебя есть сын?

– Гриша, ты не умеешь вовремя остановиться.

– Да что тут такого, не можешь поделиться с другом?

Он привстал и зло покосился на меня.

– Запомни, у Михаила Дугина... черт, – схватил себя за жидкую бородку и потряс головой. – Нет у меня никакого сына, Гришаня. Этот мой «брат», как ты выражаешься, мне не брат. Побочный сын приبلудный отца покойного. До тридцати лет слыхом о нем не слыхивал, тут объявился – любите меня и жалуйте. Я и с родными-то не общаюсь почти братьями-сестрами, а этот привязался, как лист к голой заднице, да еще с ворохом проблем, да еще и смотрит на меня с упованием. Я что, похож на Иисуса вашего Христа? – спрашиваю. – Чего ко мне-то пожаловал, бедовый?

Махнул рукой отвязчиво, будто во мне брата своего увидел теперь.

– Короче, двинутый он на всю голову, «брат» Сергей. Я полагал уж, избавился от него, когда он уехал на остров. Но нет же! Продолжает слать открытки. Думаешь, я ему отвечаю? Да ни разу, за все шестнадцать лет ни разу ни слова не написал, а он продолжает строчить и строчить. Рассказывает о жизни... Вино шлет, конфеты всякие, кофе. Варенье ананасовое.

Сглотнул накопившую пенную струю раздражения. А мне почему-то, глядя на Мишу, стало немного жаль брата Сергея. Как это, будь ты «двинутым» или нормальным, писать кому-то в течение шестнадцати лет и ни разу не получить ответа? Когда молишь: «Напиши хоть слово!» – спустя шестнадцать лет глухого молчания, что-то это да должно значить.

– Но почему ты не ответишь ему?

– Это просто, Гриша. Не отвечаю, потому что не хочу отвечать. Разумно, не находишь?

– Но хотя бы раз ты мог...

– Ты что, хочешь, чтобы он стал мне строчить ежедневно? Я же каждую неделю по открытке получаю, исправно, как часы! У них, когда ураган случился, деревьями в щепки

дом разбило, он первым делом мне об этом написал, а уж потом только пошел разбирать завалы. Сумасшедший!

– Ну, – пожал я плечами задумчиво, – возможно, он просто так тебя любит, поэтому...

– Гриша, кто меня любит?! Мы с ним несколько недель за всю жизнь виделись – да он обо мне ничего не знает!

– Так уж и ничего. Вон про какого-то «твоего мальчишку» спрашивает.

Дугин прошелся по комнате и распахнул окно. Лицо уважаемого адвоката превратилось в шкодливую маску хулигана.

– Мои соседи – сволочи! – хохоча, выкрикнул он.

Я дернулся, оттащил его от окна.

– Ты чего? Кто еще тут сумасшедший!

Мы оба повалились на пол, продолжали смеяться, и Михаил сказал:

– Хорошая попытка, малыш, но так просто тебе папочку Дугина не обвести. А что касается писанины Сергея, он там еще и не такое сочинял – умереть на месте.

– Например?

– Например, он помешан на боге. Постоянно молится за всех, за то, чтобы погода была хорошая, чтобы виноград уродился, чтобы дочь никто не увез, пока он водит паром, чтобы паром не развалился на части...

– А у него красивая дочь?

– Говорит, да.

– Надо бы съездить в гости к твоему брату, – пошутил я.

Дугин отжался на локтях, сел прямо. Уставился на меня. Снова расхохотался.

– Да, малец, куда ж это нас с тобой вывел разговор. Не хочу больше о нем вспоминать, ты меня прости.

– Да ничего, ты меня прости, если что, Миша.

Он кивнул, встал во весь рост и протопал в кабинет. По походке судя, его накрывала вторая волна – от дряни, которую поставляла мамаша Роза, обычно случался сей эффект.

– Он ведь еще и клад ищет! – прокричал Дугин хохочущим голосом.

– Клад, как в «Острове сокровищ»?

– А, заинтересовался, малыш?

– Конечно, это уже гораздо интересней, чем всякие там красивые дочери. Что за клад-то? Дугин! Иди сюда, чего ты ушел?

Он не ответил, шуршание в кабинете стихло. Я подождал еще минуту, окликнул его, но так и не дождавшись ответа, вошел в кабинет. Миша сидел на полу перед раскрытым ящиком стола. Внутри, в большой деревянной зеленой шкатулке, куда он жадно запустил пальцы, да так и застыл, лежало несколько сотен, одна к одной, аккуратно сложенных картонных открыток.

Мы переглянулись.

– Он ищет клад на острове уже несколько лет. Примерно с той же безумностью, что и пишет мне.

– С чего он взял, что там вообще есть клад?

Дугин стукнул меня по плечу, неожиданно больно. Хмыкнул не улыбочиво.

– Я бы сказал тебе, что тут дело в его безумии, но мы с тобой, как адвокаты, понимаем, что это бездоказательное обвинение. Ты ведь не читал эти восемьсот хреновых весточек с острова, чтобы понимать, насколько у «брата» Сергея плохо с головой. Слишком плохо, милый, слишком плохо.

Задвинул ящик стола, пнул меня к выходу из кабинета.

– Но хотя бы вино у него отличное, нельзя не признать, Гришка, согласен?

Я согласился, мы вернулись к вину, разговору о моей Ане, я проплакался о том, как хочу ее все сильнее и безнадежнее, еще часа три. Вторая волна схлынула с Миши, он уснул на диване, обессиленный, а я сидел, наблюдал за рождением зари из-под туманной ночной наволочки и почему-то с тоской размышлял о несчастном безумном брате Дугина, шестнадцать лет копающем, представлялось мне, высохшую почву в поисках клада, которого никогда не найдет, и столько же времени так же безнадежно высылающем открытки брату, которого у него нет и никогда не будет.

11

Отец погряз в подготовке к выборам. Его кампания отнимала все силы и время, видаться мы стали реже редкого. Иногда я звонил на домашний – трубку могла взять Лариса, и вместо долгожданной беседы с Игорем я получал полчаса причитаний о моей сыновней неблагодарности.

– Ты совсем не общаешься с Егором, мальчик по тебе сильно скучает! Ни разу не зашел проведать родителей – может, нас уже и в живых нет, а ты и не узнаешь.

Это было фальшью, склизкой и дурно пахнувшей приличием. Лариса вовсе не жаждала меня видеть, но совести ее было спокойнее найти причин вдоволь во мне – причин того, что мы стали чужими людьми. Со случайными знакомыми из галерей и с художественных выставок она и то общалась искреннее, а уж какие они лицемеры в своем затхлом мирке искусства, пояснять излишне. В сущности, ей шла ее искусствоведческая гримаска высокомерия, которой до поры для меня, как для сына, не существовало, но в один прекрасный день я познакомился с ней, и будь тот день проклят.

Я всегда перекачивал мысленно в руках этот шар – слова о том, что ей не нужно больше симулировать заботу, я уже вырос, меня не ранит правда; да и не получалось у нее никогда обмануть меня, даже мальчишкой. К чему теперь играть? Но и в раздражавших до скрежета зубов телефонных разговорах с Ларисой мне не подойти было к границе невозврата, у которой бы я запустил свой шар. Она по-прежнему оставалась «мамочкой», я – «сыночком», мы холодно и грубо монтировали теплоту и нежность себе на плечи и тащили этот бессмысленный груз с остервенелыми улыбками.

– Лариса, родная, я даже со своей дочерью не успеваю видаться, а ты мне говоришь о каком-то Егоре. Знаешь ли ты, как я занят сейчас?

– О каком-то Егоре?! – кричала она. – О каком-то Егоре, ты сказал?!

И мне было плевать, что я оскорбил ее в лучших чувствах, пренебрежительно отозвавшись о младшем брате, любимом сыне семейства Ржевских. Сказать больше, мне было даже приятно задеть эти «лучшие чувства», хоть как-то выразить гнев.

Никто не держал зла на Егорку, конечно, но было бы слишком требовать от меня любить его как родного. И дело вовсе не в том, что он поселился, младенец, в нашей семье и утянул всю заботу и внимание взрослых к себе. И не в том, что не было в нас родной крови. Но появление Егора в доме Ржевских слишком уж трагично совпало с тем вполне четким мигом, когда я узрел, что всего лишь гость в этих стенах, а гостеприимство, пусть и на высшем уровне, не лучшая замена любви, хотя, уверен, многие бы согласились, что мне грех жаловаться.

Молодский уже во второй раз подряд пропускал назначенную встречу. Наше свидание на прошлой неделе тоже не состоялось – я отправил ассистента вместо себя, снабдив его подробной инструкцией, а сам поехал к новой квартире Богомоловых, по адресу в городе Б., что сообщил мне Дугин.

Прикупили двухэтажную квартирку в самом центре, напротив мэрии. Вот уже неделю сюда везли и везли материалы, шныряли рабочие, даже с улицы слышались звуки перфоратора, в освещенных окнах клубилась, не оседая, строительная пыль. Дугин говорил, Андрей жутко

доволен работой – они надеялись въехать уже к концу месяца. Я, как добрый прораб, приезжал сюда каждый день и издали, часами, контролировал процесс.

Ничего в моей жизни не происходило. Перестал знакомиться с людьми, встречаться со старыми приятелями, трахать шлюх, завтракать и обедать, работать – мы не ожидали развязки в деле Груздева-Молодского раньше сентября, и я не считал нужным предпринимать что-либо в ответ на жалкие дугинские потуги добыть компромат на моего клиента. Перестал звонить отцу и Жанне, планировать будущее, замечать, как проходит день, наступает утро, спать тоже почти перестал.

Я не перестал лишь часами говорить с Дугиным об Анне, надираться – с ним и в одиночестве, и иногда, в полной тьме ночи, без свидетелей и уже без стыда, рыдать, выть воем суки, у которой отняли щенков.

Среди моих все еще не умерших надежд вернуть любимую женщину, ежедневных разговоров о том, что значили и не значили ее слова, жесты, взгляды, ударом наковальни прозвучала новость, которую Михаил бережно принес в клювике от Богомолова.

Анна беременна. У них будет ребенок.

Дугин следил за моей реакцией, но на моем пустом бледном лице не выступило ни капли крови. Меня как параличом разобрало, да еще и не дома мы были, на лестнице в здании суда, перед сидящей на втором этаже очередью в кабинет номер восемь. Я зашатался, прочертил ладонью по белой стене, хлопнул известкой по лацкану, так и застыл с рукой на сердце. На Дугина смотреть не мог: я словно виноват был перед ним, или он предо мной, но в любом случае жгло стыдом, как каленым железом.

– Проводи меня до туалета, Миша, я сейчас блевану, – громче, чем хотелось, сказал, да еще и пошатнулся, соскочил со ступени с мраморным хрустом.

Очередь в восьмой кабинет оживилась – как один, уставились на меня люди. Любопытно вам? Моя жизнь, мое все катится в пропасть – любопытно вам, черти?!

Стоял на коленях, голова почти полностью – в унитазе, Михаил придерживал дверцу кабинки.

– Зачем ты сказал мне сейчас? – не вопросом, но бесправною жалобой скулил я.

– Богомолов позвонил поделиться новостью, и я сразу же передал тебе, – спокойно отвечал Дугин.

– Григорий Игоревич, вы тут? – услышали мы голос моего ассистента.

Дугин высунулся из кабинки, показал ему знаками: все в порядке.

– Григорий Игоревич, мы можем начинать. Господин Груздев уже в переговорной, Молодский оставил сообщение, что не сможет присутствовать. Ваша папка с...

– Да иди ты в задницу! – вскричал вдруг Дугин, распахнул дверь и замахнулся на моего тщедушного помощника. – Не видишь, человеку плохо! Гриша, – повернулся он к моей согнутой над унитазом фигуре, – эта обезьяна сможет тебя заменить, если что?.. Ну вот и ладненько, – продолжил он, когда я промычал согласно. – Мы справимся сами, а ты возьми такси, езжай домой. Выпей... аспирин.

И я приехал к себе, выпил, выпил еще, до самой ночи только этим и занимался, пока не свалился замертво. Дугин так и не позвонил мне в тот день, не пришел проведать, но и его визит ничего бы не изменил. Со мной было кончено, и каждая попытка осмыслить это вызывала боль во всем теле, надфизическую, сверхиррациональную, как будто и вправду существовал некий орган души, и его тянули из меня, прямо сквозь кожу, без наркоза.

Недавно казалось, лишь объявят их мужем и женой, и все окончательно разрушится, перестанут идти часы, я провалюсь в расщелину между прошлым и нынешней жизнью, лишится смысла любая что-либо значившая для меня деталь. Но я сумел выстоять, убедить себя держаться, поверил заново, что имеются шансы, что Анна еще может стать моей... Глупец.

Обманутый, наивный, униженный и жаждущий унижения, стоял я на коленях перед громадой будущего, молил повременить, не наступать так скоро, измениться силой мысли моей – тщетно. Что свершилось, не повернуть вспять, и преграда, стоявшая отныне на моем пути, в шепки, крупницы щепок разбивала самые робкие мои надежды.

У Ани будет ребенок. Другой, не я, опутал ее белесой пеленой, пропитал собою ее прозрачное гибкое тело, затек плавленным воском в мельчайшие поры ее, оттиском объятия запечатлел на ее теле свой герб. В ней уже чужой ребенок, и это необратимо, больше никаких надежд, и ни один бог, маг, ни одно зелье не поможет отменить случившегося.

Я догадывался, что Богомолеры счастливы, исполнены торжественных ожиданий волнительного будущего. Мне представлялось их единение, еще крепче, чем прежде, ласки, еще нежнее и интимнее, уже неразделимых мужчины и женщины. Но большее всего – непереносимо больно – было осознавать, что сейчас их счастье абсолютно, и оно, мне непосильное и неведомое, возможно для них теперь только вместе. Она больше не сможет почувствовать себя благополучной без него, каким бы идеальным ни был другой мужчина рядом. А я к тому же вовсе не был идеальным.

Они слились, и еще не рожденный ребенок, словно суперклею невероятной силы, скрепил их слияние навечно, заполнил все пустоты, все щели между двумя деталями. Как бы я ни хотел, мне уже никогда не подобраться к ним, не разъединить, не выкрасть для себя кусочек счастья. Как нелепый неуклюжий воришка, я метался вокруг в поисках лазейки, плохо лежавшего добра. Мне предстояло смириться с тем, что я потерял ее безвозвратно.

Да я и сам был когда-то женат, и в моем браке родился ребенок, но то были совершенно другие вещи. Мы с Жанной не знали друг друга, с самого начала мы знали лишь то, что совершаем ошибку, соглашаясь на этот союз, но слишком утомительным казалось объяснять себе, в чем заключалась она. Мы даже не притворялись, что любим, и я не бросал никаких уютных, теплых, страстных романов ради женитьбы – а будь бы у меня такой, не бросил бы, а скорее бы, просто не женился. Есть отношения, что начинаются поневоле, мой брак был тому примером. Анна же вышла замуж из чувства; уже не имело значения, насколько сильным, насколько сильнее чувств ко мне оно было – ребенок помножит его на миллионы, возведет в степень безграничного, сделает непобедимым, бессмертным. Таково женское сердце: слепая любовь его поводит, а любовь матери к сыну – самая слепая из всех.

Стыд, которым пронзало меня отныне всякий раз, стоило лишь представить Анну в моих объятиях, свидетельствовал о том, как быстро я отчаялся. Видимо, и во мне родился трепет перед новой жизнью, страх осквернить ее нечистыми мыслями. Теперь даже думать об Анне преступно, даже вспоминать, как счастлив, пусть и недолго, я был с нею рядом.

«Но это невозможно, – повторял я снова и снова, – это невозможно. Что же останется у меня, если я потеряю право думать о ней? Пустота, тишина, смирение. И нет выхода, кроме одного – забыть эту женщину».

12

Прошло полгода. К городу Р., крадучись, подбиралась осень, погода уже испортилась, время от времени накрапывал дождь. Игорь Ржевский, несмотря на ожидавшие его в предвыборном штабе неотложные дела, навестил меня вскоре после завтрака.

За прошедшие месяцы я осунулся, на впалых щеках треугольниками выступали скульные кости. Я открыл отцу, все еще одетый в домашний халат, неприязненно сощурил глаза на свет, предложил кофе. Игорь кивнул и последовал за мной на кухню.

Пока я готовил, видно было, как дрожат мои руки. Тонкие пальцы едва сгибались, ногти стали землисто-желтыми.

– Голова сейчас расколется, – не жалуясь, а сообщая факт, произнес я. Поставил на стол перед отцом кофе, сел напротив, отхлебнул из своей чашки, зажмурился. Глубокие морщины веером растянулись от глаз к вискам.

– Как продвигается кампания? – болезненно стискивая зубы, выдавил я вопрос. – Конкуренты дрожат?

Игорь улыбнулся.

– Дрожат. Понимают, что проигрывают, но поделать ничего не могут. За нас – жители города, это самое главное. Знаешь, сын, я всегда мечтал, чтобы люди здесь поняли, насколько важно каждому иметь самую малость – гораздо важнее, чем сделать из довольного обывателя очень довольного. Но даже я сам, сколько совершили мы для этого, даже я сам не предполагал, что удастся убедить людей отказаться от излишеств ради облегчения доли неимущих. Это ведь против человеческой природы, если вдуматься. Но они идут за мной, поддерживают мои идеи – и это чудо.

– Да какое чудо, тут дело в личном обаянии, Игорь Платонович. В вас же влюблены все женщины города от пятнадцати до пятидесяти пяти.

Игорь поставил чашку на стол и обхватил ладонью бороду, касаясь пальцами кончиков улыбки.

– Полно мелить чепуху. Как твои дела, Гриша?

– Хорошо, отлично, – поспешно ответил я и закашлялся.

– Куришь много.

– Знаю, папа. Не начинай.

– И если бы только курил... Зачем ты это с собой делаешь? – озабоченно спросил отец.

– Утро, – я с видимым равнодушием выдохнул, – не лучшее время для философских бесед.

– Ты себя убьешь так.

– Аминь.

– Гриша!

– Ну чего? – я, уже споласкивавший чашку под краном, зло развернулся от мойки и уставился на отца. – Пришел лезть мне под кожу? Не видишь, что и без того хреново?!

Вместо ответа Игорь встал, схватил меня за руку и притянул к себе. Поцеловал в лоб, усадил снова напротив. Заговорил медленно и спокойно:

– Хорошо, мы не будем ссориться. Расскажи мне лучше, как твои дела. Как работа?

– Дерьмо, – я пожал плечами. – Работа – дерьмо. Я уже почти год вожусь с делом Груздева – Молодского, а конца и края ему не видно. Слушание назначено на четвертое сентября, но Дугин наверняка попросит перенести дату на более позднюю. Он все еще не теряет надежды что-нибудь придумать.

– А он может что-то придумать?

– Нет, его карты биты. Мишиних усилий хватает только на то, чтобы оттягивать развязку, которая, он знает, останется за мной. Бесконечный ворох бумаг, ты бы видел толщину папки с материалами дела. Я сказал «папки»? Хотел сказать «папок». Там уже давно не один том.

– Но ты спокоен на этот счет?

– Абсолютно. С первого взгляда было ясно, что у Михаила нет шансов. Я уже не думаю об этом. Я вообще уже ни о чем не могу думать.

Я подпер кулаком лоб, губы изогнулись в печальную дугу.

– Женщина, о которой я рассказывал тебе, помнишь?

– Анна? – уточнил Игорь.

– Да, Аня. Она замужем кое за кем, и они ждут ребенка.

– Ох, Гриша...

– Да, вот так. Не могу перестать думать о ней, хотя и понимаю прекрасно, что в этом нет смысла, это чистейшее безумие. Я, наверное, плохой человек: не знаю, что ты обо мне подумаешь, когда я скажу это, но... Черт, как сложно. Ну, словом, я постоянно только и думаю о том... Надеюсь на то, что с ее ребенком что-нибудь случится. Что он не родится или родится мертвым.

Игорь вскочил на ноги и заходил по комнате быстро. Он ощупывал судорожно лицо, подергивал брови, волосы, бороду и бросал на сына короткие острые взгляды.

Я между тем продолжал:

– Мне уже надоело рассказывать об этом Дугину, мы с ним обсуждали все тысячи раз. Как он меня до сих пор терпит? Я ведь почти каждый вечер провожу у него, плачась о своей несчастной судьбе. Я должен был поделиться с кем-то еще, извини, если тебе неприятно слушать такое. Просто все произошедшее уже не помещается в моей голове – вся ненависть, все зло. Бывает, часами не могу уснуть, представляю, как Анна идет по безлюдной улице, вдруг ей становится дурно, но никого рядом нет. Она зовет на помощь, никто не слышит, у нее начинается кровотечение, она понимает, что с ребенком что-то не так, нужно срочно ехать в больницу: «Кто-нибудь, помогите!» Но никто не приходит на помощь. Драгоценные минуты утекают, она все слабее, сердце плода бьется все медленнее, кровь между ними почти остановилась... Вдруг вой сирены: кто-то услышал мольбы о помощи, вызвал скорую. Машина останавливается, из нее выбегают двое санитаров, у них крепкие спины, сильные руки, они хорошо знают дело. «Угроза выкидыша», – сообщает по рации один из них.

Аня слышит это, и ей становится еще хуже. «Спасите моего малыша, спасите моего ребенка!» – кричит она.

Санитары пытаются успокоить ее, переносят в машину, водитель мчится как только может, дорожные пробки расступаются, пропуская их. Но они не успеют, каждый раз они не успевают: спасут только женщину, ребенок умрет. Необъяснимый внезапный выкидыш. Просто судьбе неугодно, чтобы он появился на свет, так ведь бывает. После они не смогут быть вместе – только ребенок связывал их. А теперь не осталось ничего, они расстанутся, разведутся, Аня снова будет одна. И я приду к ней и...

– Гриша, прекрати! – закричал отец. – Как ты можешь? Так нельзя. Что ты с собой делаешь? Ты же сам себя сводишь с ума.

– Знаю, папа, – сказал я, как смертный приговор принял. Голова опустилась ниже плеч, по телу пробежала зябь. – Ненавижу себя за эти мысли почти так же сильно, как ненавижу этого ребенка. Он самое чудовищное зло, что случилось в моей жизни, мой палач. Я никому еще никогда не желал так отчаянно смерти, как желаю ему.

Игорь отвернулся к окну и зажал рот тыльной стороной ладони. Стоя за его спиной, я зашелся громким безутешным плачем.

– Я молюсь об этом каждый день, папа. Что же я за тварь-то такая? Молюсь богу о том, чтобы убил нерожденного младенца, хладнокровно молюсь и верю иногда, что он моим молитвам внемлет. Как же мне больно, как же мне больно, господи!

– Господи! – эхом вторил испуганный шепот Игоря Ржевского.

На другой день я до темноты проторчал перед натальным центром на Римской улице. Анну положили сюда, поскольку срок подходил и признаки того, что все случится скоро, проявились. До вечера, пока Дугин не выяснил у Андрея и не передал мне эту информацию, я знал только, что Анну увезли в карете скорой помощи – совсем как я и предсказывал. Будто зараженная бешенством макака, крутился я возле роддома, заглядывал в окна, боялся представлять себе, что на самом деле происходит.

– Ну так что ж, – спросил Дугин вечером, когда мы пили коньяк у него на кухне, – ты рад, что с Анной все в порядке, или расстроен, что с ее ребенком тоже?

Я не знал ответа. Часть меня – пугающе внушительная часть – возликовала, когда показалось, что случилось нечто серьезное с ребенком, другая же до желания застрелиться стыдилась подобных мыслей. Я уже жалел, что признался Игорю: теперь, когда он знает мою черную душу, возможно, он разочаруется во мне окончательно, как и Лариса когда-то... Глупые детские страхи, а я давно уже вырос.

Только с Дугиным мог я спокойно говорить даже о самых жутких вещах. Он один не читал мне нравочений, готов был всегда выслушать, любую бредовую мысль мою и мечту разделял со мной, не поминая прокисшей ветхой морали. Я презирал мораль, почти как и он, отныне, а ведь было время – еще вчера, казалось, – когда дугинский взгляд на жизнь представлялся мне глубоко увечным. О, как переменчиво все в этом мире!

13

Неотвратимо близилось финальное слушание по делу Груздева – Молодского. Как ни разбит я был, но даже и такому мне удалось собраться, отгладить по стрелкам брюки, приготовить галстук, постричься по-человечески. Я хотел выглядеть на все сто в день, когда впервые одержу победу над Дугиным.

Странно, забавно даже, а ведь заглянуть при этом в материалы дела я и не подумал. Самонадеянность должна была меня сгубить или безразличие, но если бы не случай, я бы вновь оказался повержен, да еще как жестоко повержен!

В один из вечеров на предшествовавшей развязке неделе от скуки забрел я в притон мамыши Розы. Пышногрудая хозяйка встретила гостя без восторгов, справилась о Дугине – он бросил меня ради каких-то дел этим вечером – и повела в комнату.

– Свободна ли Киска? – спросил я.

Роза усмехнулась, кивнула.

– Будет тебе Киска, малыш. Смотрю, у вас с Дугиным сходятся вкусы.

Я отвечать не стал. Лучшая девочка в этом заведении всегда доставалась Дугину, а Киска была лучшей, сколько ни сравнивай.

Она явилась вскоре, на плечах – дугинская фуфайка, под ней ничего, трусики мелькают из-под короткой юбки. Сняла фуфайку, бросила мне в лицо, смеясь:

– Твой друг забыл вчера. Передашь ему, милый?

Мне не было хорошо с ней. Стоило завестись немного, я представлял себе Анну, а это сразу вливалось яду в мои вены. Мы побарахтались с четверть часа, Киска выразительно посмотрела на мое голое тело и хмыкнула, уходя. Душный запах пота намертво застыл надо мною.

Такие ночи забирают сил больше, чем дают, и я, не поднимая глаз, проходил мимо Розы на улицу. Опустошенность на лице моем была так очевидна, что Роза спросила, все ли со мной в порядке.

Машину я оставлял обычно в паре кварталов – здесь ее могли если не увести, то изуродовать, так что пришлось идти пешком по темным переулкам. Как обычно, разбитые лампочки фонарей молчали, кое-где в квартирах тускло горел свет, но недостаточно для ночного путника. Споткнувшись о колотый асфальт, я приземлился коленями в луже, локтями в луже, и фуфайка Дугина тоже оказалась там. Вынимая осторожно тяжелую от воды ткань, почувствовал во внутреннем кармане фуфайки бумагу и торопливо полез вынимать ее. К счастью, сложенные вчетверо писчие листы почти не пострадали, лишь с одного края поплыли чернильные разводы. Отряхнувшись, я поспешил в освещенный центр, к своей машине.

Бросил намокшую фуфайку на заднее сиденье, расправил листы на коленях, оценивая масштабы бедствия. И если есть мне хоть в чем-то вера, то всеми святыми клянусь: даже заметив, что почерк Мишин, что это письмо и первые строчки звучат: «Здравствуй, Сергей! Ты сейчас, вероятно, задаешься вопросом, что заставило меня спустя столько лет написать тебе...», я

не собирался читать дальше. Чувствовал и знал даже, что есть в их с братом Сергеем прошлом неразрешенная, незатихшая боль, и не моего ума дело, что за боль, пусть разбираются сами. Нехорошо это – читать чужие письма. Но глаза мои царапнули строчки вниз, те, что пострадали немного от влаги, и, едва различимые в разводах, прочел я слова:

«...пока он сходил с ума от своей несчастной любви, мне необходимо было только изображать сочувствие, остальное Гриша сделал сам...»

Перед глазами замелькали помехи, давление у меня, должно быть, скакнуло серьезно. И тут – вспышка, как очнулся ото сна, сижу я в машине с дугинским письмом в руках и уже знаю, о чем там написано. Даже не читая – знаю, всегда знал, не хотел признаваться себе, но знал. Но не могу сделать вид, что мне ничего неизвестно, когда оно в руках моих. Добраться бы скорее до дома, в спокойствии и тишине сесть, выслушать, что Михаил хотел сказать – не мне, брату.

Здравствуй, Сергей!

Ты сейчас, вероятно, задаешься вопросом, что заставило меня спустя столько лет написать тебе. Резонно. Я не нашел бы ответа точнее, чем признание: по той же причине, по которой ты продолжаешь слать мне открытки, по которой спрашиваешь о мальчишке

Не знаю, удастся ли уместить в письмо все, что мне нужно тебе сказать. После лет молчания я так и не придумал короткого резюме, объяснившего бы мне самому, что мы сделали тогда. Ты простишь мне нежелание вспоминать прошлое – ничто в нем не влечет меня, и если хочешь знать, я ни о чем не жалею.

Да, мне знакомо твое чувство вины. Ни разу ты не написал о нем, но им просолены твои открытки. Не надейся, что мы будем посыпать головы пеплом вместе; я не из тех, кто предается мукам совести. Предупреждаю, что пишу тебе один раз и не потому, что скорбь твоя и вина твоя – ты сам на себя возложил их – меня трогают. Правда такова, что я не помню тебя, не знаю тебя и не желаю узнавать. Ну а вся ирония в том и состоит, что лишь тебе, незнакомцу, я должен исповедоваться в грехе своем.

Грех... Как смешно звучит это слово. Если ты еще не забыл, я беспринципная сволочь, поправшая мораль с самых первых дней своих. Где в нашем мире справедливость, равенство, братство, почему одни рождаются в шелковых пеленках, а другие должны выплывать из дождевого стока, глотать холодную грязь и кланяться за монетку? У отца было шестеро голодных ртов, а я младший из них. В жизни моей, пока я не взял ее в свои руки, ни дня не проходило без пьяных побоев и голода. На роду мне было написано таскать до грыжи мешки и ящики, мести улицу, а может, мыть посуду в дешевой забегаловке. А я не захотел – вы, господа ученые, в костюмах-часах-галстуках, разве лучшие, разве умнее меня будете? Да ничего подобного, да я еще всех вас выше поднимусь и вспоминать буду с торжеством, как вы плевали на меня, а теперь зовете по имени-отчеству!

И они звали. Когда я выкарабкался, всего добился, доказал, что лучший, – они звали и зовут. Они меня хотят, и бабы хотят, и мужики, да только я не забыл, как было вначале. И не забуду никогда, не поверю, что меня они хотят, Мишу Дугина. Их мое место, мои заслуги, моя теплая постелька маняют, виски по штуке за бутылку, лифчики из бутиков, тачки заграничные... И чтобы можно было сказать как бы между прочим: «А я тут обедал с Дугиным...», «Мы с Дугиным ходим в один гольф-клуб...», «Дугин защищал меня в суде...» Шлюхи, все до единого, а еще жеманятся. Смеют рассуждать о приличиях, о морали, об этике. А коснись что, случись настоящее горе под боком, кто из них побежит спасать ближнего? Ни один. Мрази, окружившие себя видимым благочестием. А мне всегда было плевать на искусственные нормы, и ни один из них не обойдет меня, куда куда будет так. Где дрогнет от жалости, из милосердия, от человеколюбия рука другого, я всегда выстрелю без осечки.

Если ты еще искал ответа, что думаю я о грехах твоих, ты, надеюсь, нашел его в сказанном выше. Но не затем пишу. Нужно мне рассказать тебе нечто, отнимающее мой покой и безвыходное. Может, праведник, отпустишь мой грех и помолитесь. Пишу и смеюсь, да не сердчай. Не верю я в грехов отпущение, а зачем пишу, и сам не пойму что-то. Прихоть, да и только.

Есть у меня знакомый парнишка, зовут его Григорием. Случилось так – судьба, иначе и не скажешь, – что он учился на юридическом, а я как раз увлекся преподавательской работой. Оказался парнишка неплох, и я подтянул его, стал заниматься, сделал из Гришки настоящего адвоката. А теперь мы работаем вместе, вернее, друг против друга работаем. И никогда раньше, я уж сколько раз себя специально с ним сталкивал, чтобы научить уму-разуму, не было у него силенок обыграть дядю Мишу. Да и сейчас нет их у него, нет у него хитрости адвокатской: где он десять слов правдивых будет неделю подбирать, я в две минуты состряпаю свою правду из окружающей лжи; где он скажет: «Это неэтично!», я просто возьму и сделаю. И нам смешно с ним, оба знаем, что я перебую его в любом деле на таких условиях.

«И все же, – заявил он мне как-то, – однажды я выиграю у тебя, и выиграю по-честному, вот увидишь».

Не хочет ручки марать, идеалист. Таких жизнь ломает больно, да мне-то что. Но только не мне бы быть этой жизнью, ломающей Гришу.

Однако ж придется. Прошлой осенью нас наняли некогда партнеры в крупной компании, а ныне злейшие враги. Я бы не пошел против Гриши в этом деле, если бы была возможность выбирать, но ознакомиться с подробностями того, на что мы подписались, я смог лишь после, когда отказаться уже было нельзя.

Чтобы ты во мне не сомневался, скажу: я не проиграл еще ни одного дела с тех самых пор. И если бы варианты имелись, я бы нашел их сразу. Но впервые за долгое время к подопечным моего конкурента оказалось не подкопаться. Все преимущества и закон на стороне Григория, а клиент его чист как стеклышко. Уж я и эдак крутил, и так, что только ни пытался придумать, но лишь выбился из сил – мне не найти аргументов в свою пользу, Григорий победит. Он тоже видит, что в выигрышной позиции и, как хороший адвокат, возьмет свое.

Но, как ты понимаешь, этого бы я не допустил в любом случае. Единственный выход, что оставался, – найти слабое место если не у клиента Гриши, то у него самого.

Вывести его из игры, а дальше у меня будут все возможности заплести кружево так, чтобы безобидные на первый взгляд архивные бумаги сыграли в ансамбле такую штуку под моим руководством, которая моего клиента выставит жертвой партнерских махинаций. И это несложно создать, но любой неглупый адвокат схватил бы меня за руку, а Гришка что угодно, но не глуп. Вот если помочь ему поглупеть – а это я мог.

Влюблен он беззаветной любовью в замужнюю женщину. Сходит с ума по ней, мыслить ни о чем не может, когда речь о ней заходит, вот я и завел манеру заговаривать с ним при любой возможности о женщине этой, что да как. Подначивал его: «Не отчаивайся, дружище, есть еще шансы». Какие уж там шансы! Приходит ко мне каждый вечер, я его до горлышка заправляю и снова: «А что там твоя Аня? А как там твоя Аня?» А он, дурак, и рад говорить о ней, пока еще язык шевелится. Для верности я даже с мужем этой Ани сошелся, нет-нет, добуду какую-нибудь новость, подкормлю Гришатку, он прыгает в восторге, пробует ее на язык, пережевывает – проглотить боится.

Проверял я осторожно. Сначала дозаявил в дело пару документов откровенно бесполезных. Гриша молчал. «Играет», – думаю. Тогда пустил в ход кое-какие запрещенные бумаги, о паритете в отношении которых мы еще на первой встрече с клиентами условились. И это прошло! Вот тогда я убедился, что и Гришка процесс пустил на самотек, и ассистент его – болван полный.

Теперь у меня уже все готово. Через несколько дней мы наконец сразимся в суде, да только сражение будет недолгим. Минут семь мне на речь, и Гриша увидит, что допустил ужасающую халатность, позволив мне внести в детскую автомат, собрать его, зарядить и наставить на невинного младенца. Где была охрана? И, поскольку мальчик он умный, ему в ту же секунду понятно станет, что не я развязал кровавую пальбу: пока он сходил с ума от своей несчастной любви, мне необходимо было только изображать сочувствие, остальное Гриша сделал сам. Он увидит, что все время голова его занята была лишь Аней, и, я нисколько не сомневаюсь, поймет, что Дугин использовал его любовное горе, чтобы обмануть. Он будет опозорен, репутацию его вопиющий просчет новичка утопит почти наверняка, мой клиент выиграет.

Выиграю я.

После Гриша вряд ли простит меня. Так далеко с ним я еще не заходил. С другими – сколько угодно, но другие и не подставили бы мне спину. А он потому и не боялся удара сзади, что доверяет мне. Доверяет Михаилу Дугину, глупый щенок. Это урок, который ему не преподадут лучше меня: никому не доверяй, никого не щади, не будь добр, не жди добра.

Только мне самому грустно. Будь у Григория шансы меня обмануть и выиграть, он бы не стал их использовать, потому что верит в благородство. От этого не по себе, точно ведешь корову на убой, а она лижет тебе ладони, глупая, ластится, в глаза заглядывает. Но где бы я был сейчас, если бы знал жалость?

Сколько в этого парнишку вложено – а он все равно мечтатель, не распрощавшийся с детством. Не желал слушать теорию, ну так вот тебе, малец, урок жизни. Я предупреждал, что она бьет нещадно – ты мне не верил.

Вот что, Сергей, хотел я рассказать. И не бойся, сердобольный, за моего парня. Старый дядя Дугин лишь немного тряхнет Гришу, но иначе нельзя. Я, возможно, и должен чувствовать вину за то, что подначивал его постоянно думать об этой Ане, но и без меня он помешан на ней.

Как видишь, все движется на планете, никто не остановился, не превратился в камень и не поминает тебя дурным словом. Никто вообще не поминает тебя. Нет никакой нужды в твоих посланиях – живи, сколько осталось, спокойно, оставь в покое меня.

Я сделал ради тебя больше, чем стоило, а ведь мы даже не братья, по сути. Но хватит, говорю тебе, пришло время сбросить свою ношу – и я не могу больше, и тебе пора. Пусть каждый идет своим путем, здесь все должно закончиться.

Ты хотел знать, насколько я хладнокровен. Вот, смотри: я подошел к костру слишком близко, и пламя сожгло мне руки, лицо и душу. Даже столько лет спустя.

Михаил Дугин

14

Я наконец очнулся от грез былого. Вот они мы, дождливой ночью по-прежнему в баре на Римской улице, Дугин уже совсем пьян, расслаблен, беспечен. А что же я?

Меня резало мрачное ощущение развязки: ничего ценного в жизни больше не оставалось, но довести до победы завтрашнее судебное дело я имел твердое намерение. Я посматривал в глаза Дугину, стараясь казаться хмелеющим, но думал о нем не как о друге. Знай Михаил, как ненавидит, мечтает раздавить его сейчас ученик Гриша, он сквозь дремоту принятой дозы и через коньячный угар отшатнулся бы в страхе. Ему стоило бояться, во всяком случае.

За полночь я приволок Дугина в его квартиру, бросил в углу спальни. На кухне умылся, снял плащ, закатал рукава, вытер лицо полотенцем.

Предстояла занятная ночь. Я хотел, чтобы он как можно дольше пробыл в сознании, пытаюсь понять, что происходит, поэтому, как только привязал накрепко руки Дугина к батарее

кухонными полотенцами, сунул ему под нос открытый флакон нашатыря. Медленно его мозг включился, заморгали глаза.

Я заставил Михаила открыть рот и затолкал в него толстый кусок ткани, не жалея сил. Кажется, только на этом этапе Дугин забеспокоился. Задергался, безуспешно пытался освободиться, мычал. Понял уже, наверное, что я специально напоил его.

– Хочешь знать, что я собираюсь с тобой сделать, Миша? Я собираюсь тебя отыметь. Да-да, – я наклонился, присел на корточки прямо перед ним, – собираюсь отыметь тебя так же жестко, как ты имел меня последние полгода. Потому что ты... – я захлебнулся потоком брани, поднялся, у двери замер. – Знаешь, в чем ты единственном ошибся? Письма свои, переписку свою частную нужно тщательнее беречь. Неотправленные, недописанные свои письма.

Вот он понял. Глазки перестали бегать, заморгали на месте, глядят без страха и возмущения. С любопытством – что ты, мальчик, будешь делать дальше?

Назавтра к этому времени я уже выиграю дело Груздева – Молодского, потому что адвокат ответчика не явится на заседание и не сможет предоставить суду решающих аргументов, а я смогу. Адвокат ответчика весь день просидит в своей квартире привязанным к батарее.

15

В эту ночь Анна Богомолова родила девочку. Я сам справился в регистратуре, узнать больше было не у кого: Дугин лежал у себя дома, связанный, и не мог позвонить Андрею.

К утру в натальный центр съехались, помимо счастливого отца, друзья семьи, мама Богомолова на такси, какие-то еще незнакомые лица. Я покрутился, прячась от тех, кто мог опознать меня, по общему настроению понял, что с ребенком и Аней все в порядке, и отправился переодеваться к судебному слушанию.

Ну и ночь! Костюм давно приготовлен, висит на спинке кресла, душ, полбутылки пива, сигарета, кофе, сигарета, зубная щетка.

А дальше – дело техники для профессионала.

Через двадцать минут после объявления вердикта я все еще сидел на месте, рядом – Молодский, за спиной ассистент шуршал бумагами.

Молодский говорил:

– Приношу вам извинения, Григорий. Это был нервный год, и, как вы понимаете, для меня выиграть у Груздева значит многое. Теперь мы сможем с развязанными руками приступить к восстановлению компании, которую чуть не сгубил мой бывший партнер. Признаюсь, за этот год я думал всякое, и порой закрадывалась мысль, что мой адвокат неэффективно работает, что-то тянет, и я даже – наверное, вы в курсе – наводил подробные справки о вас. Это не от недоверия, это от нервов. Сегодня вы выступили блестяще, и ваша речь просто смела все сомнения. Видели физиономию Груздева? Он весь зеленый от злости сидел. Ничего, небось переберется. Спасибо вам еще раз, огромное, Григорий, и знайте: в будущем по любым вопросам я планирую обращаться исключительно к вам, – крепко пожал мою руку. – И своим друзьям непременно буду вас рекомендовать.

Когда Молодский ушел, ассистент бросился ко мне:

– Как вы их, а, Григорий Игоревич, одной левой просто! А Дугин так и не пожаловал – понял, что проиграет, струсил! Дугин струсил, представьте только!

– Хватит нести вздор, – осадил я его строго.

– А что? Так все говорят – Дугин струсил и не пришел. Послушайте, вон в коридоре, только и разговоров, – оправдывался мой помощник.

Но я не желал больше находиться здесь ни минуты. Попросил ассистента отменить встречи на сегодня, отключил телефон и направился в парк, кормить голубей хлебными крошками.

Мороси не было, на дымном в буграх небе вырисовывался силуэт будущих морозов. В парке на пруду плавали утки, кувыркались в засоренной гниловатой лиственной воде, важно перебирали ржавыми лапками, прячась в заводи. Малышка лет пяти присела на корточки на берегу, восхищенно тарачилась на утиное семейство и всплескивала руками:

– Мама, смотри – птички! Мама!

Молодая женщина в дождевике поверх плаща рассеянно наблюдала за дочерью со скамейки. Рядом с ней, в коляске, лежал младенец.

– Как же вы справляетесь? – спросил я, поравнявшись со скамейкой.

Усталые сонные глаза женщины загорелись гордостью, она улыбнулась мне в ответ.

– И сама не знаю. Режим автопилота иногда помогает. Вот сейчас я как раз в нем.

Мы оба рассмеялись, и я позволил себе присесть рядом. Женщина была моего возраста, на молочной коже ее щек игриво рассыпались веснушки. Красивая, еще не постройнела после родов, но все равно красивая, и от нее приятно пахло смесью детского мыла и легких духов.

– А у вас есть дети? – спросила она, и я, не подумав, качнул головой отрицательно.

– Ох, черт, какой же я идиот, – хохотнул неловко. – Простите, у меня есть дочь, ровесница вашей. Надо же, забыл о ней, что за дурак! Не представляю, что вы обо мне думаете, и вы в любом случае правы. Мы не живем с нею, вот я и... Ну, короче, идиот я.

– С кем не бывает, – ободряюще сказала она. – Мой муж, хоть и живет со своими детьми, иногда тоже забывает об их существовании. Да и о моем, чего уж там.

Я поймал ее взгляд, невесело смеющийся, но теплый, живой.

– Тогда это он идиот. Как о вас можно забыть? Я вот сейчас уйду и буду продолжать о вас думать. И завтра тоже. А может быть, до конца недели или даже...

Она покашляла, засмутившись, позвала дочь вернуться от пруда. Пошла за нею.

Я бы завел с такой женщиной роман, честное слово. Если бы это не было с ее стороны безумием, если бы она решилась – я бы попробовал. Но она не посмеет, даже если ей очень захочется. Подумает о том, что станет с детьми, и откажет себе в шансе. Матери, они такие.

Я ни на что не надеялся, но, прежде чем уйти, подsunул под прозрачный козырек коляски свою визитную карточку. Она может отнять у себя шанс, но я не столь холоден.

Дугина освободил я на следующее утро. Голова раскалывалась от бессонной ночи, проведенной в раздумьях. Пить я почти не пил, неотступная мысль, что надо что-то решать, преследовала усталый мозг до самого рассвета. Так что желания говорить с кем-то у меня не было, а и будь оно, Дугину я все равно не сказал бы ни слова.

Он лежал носом к батарее, глаза прикрыты, но в сознании. Кисти рук онемели и стали белее мела, губы искусаны в кровь, а грудь колыхается редко и слабо. Не открыл глаза, даже когда я навис над ним, грубо распутывая узлы. Там, где слишком сильно стянул я его руки, кожа посинела и покрылась пунцовыми рельсами капилляров. Получив свободу, Дугин сел, замаскировал кисти и лишь минуту спустя нехотя обратил взор ко мне, ставшему у стены напротив.

Лицо его было бесстрастно, под глазами чернели круги от пережитых тяжелейших суток.

– Ты все-таки усвоил урок, малыш, – голосом, хрипота которого выдавала отчаянные попытки докричаться до соседей, заговорил Дугин. – Я готов был ставить на то, что ты никогда не научишься, а ты взял и заиграл по-взрослому. Именно этому я всегда и учил тебя, но думал, ты не слушаешь. Ошибался, признаю: маленький Гриша оказался хитрее, чем делал вид. Не так уж это и сложно, правда же? А победа, она опьяняет. Ты не бойся, дальше пойдет легче. Это только в первый раз страшно и неприятно, а потом осваиваешь технику, и, опа-опа! – он задвигал бедрами, изображая половой акт, но быстро остановился. – Горжусь тобой, сынок, в нашей лиге подонков ты займешь достойное место. Поимел самого Дугина, да еще как поимел! Кра-савец.

Я слушал его рассеянно, а сам думал: ну как же теперь, после всего случившегося, будем мы с Мишей? И знал уже, что нет для меня больше никакого Миши, но не спешил признаваться

себе в этом. Ибо ну как можно, даже через жар inferнальной печи пропустив мои к нему чувства, не искать потом их пепла, не поливать слезами его?

Но никто из нас – сейчас, когда мы смотрели друг другу в глаза, мы ясно видели это – не сможет простить сделанного.

В конечном счете Дугин добился своего, заставил меня сыграть грязно. Но он ошибался, считая, что я попривыкну, единожды ступив на дорожку: Григорий Ржевский-адвокат теперь был противен мне, омерзителен даже. Знал ведь, что не смогу продолжать, когда разрушу жизнь Михаила, когда его адвокатскую карьеру уничтожу, – а кроме нее, ничего у него не имелось. Дугин даже не понимал, наверное, как хорошо я видел его жизнь – насквозь видел. Он останется один среди своих маний, бесполезных попыток сбежать от ненависти к миру во блуд и дурман, границ не знающий. Он погрязнет в сумраке добровольного безумия, споткнется и с головой уйдет в помои, по которым с хладнокровием привык ходить, захлебнется, забьется в конвульсиях, но никто не подаст ему руки.

И сейчас я ненавижу себя за то, что, когда все случится, вина в том будет моя. Я раздавил Дугина, мой дебют пришелся на самый хребет его судьбы. Слепленный ненавистью, а впрочем, вполне зряче, я предпочел раздавить другого, чем быть раздавленным самому. Но как с этим жить дальше? Невозможно.

Он что-то прочел в моем лице, сделался вдруг сосредоточенным и мрачным.

– Только попробуй, маленький убудок, после всего, что ты сделал. Я знаю, о чем ты думаешь, – даже не смей.

«А я посмею», – решил. Да, он все верно различил по глазам моим, по бессильно опущенным плечам и бледности. Пусть чувствует как последний акт моей мести, что его карьера и жизнь разрушены лишь для того, чтобы я отказался от победных трофеев. Я больше не хотел и не мог – после сделанного мною – продолжать. С меня довольно.

Дугина перекошило от злости. Не в состоянии еще подняться, он пополз на меня, выдыхая тяжело брань, ненавидяще протыкая шипами глаз. Я не позволил ему приблизиться – оставайтесь наедине со своей ненавистью, господин хороший, нас больше ничто не связывает.

Вышел из подъезда на холод улицы, заплакал по-мальчишески, кулаком утирая слезы. «Как все паршиво, как же все паршиво», – твердил шепотом и хныкал громче и громче. В этот день я в последний раз пришел в адвокатскую контору, передал срочные дела коллегам, собрал кое-какие мелочи из кабинета, нерушимым молчанием встречал попытки разубедить меня и дознаться о причинах ухода. Лишь одно сказал во всеулышание, уже стоя на пороге с коробкой в руках:

– Я не адвокат, ребята.

Несколько дней прошли спокойно, буря бушевала лишь внутри меня. Телефон я отключил, на улицу выходил редко – купить продуктов, выбросить мусор.

Заметно похолодало. Я укутывался в одеяло, так и волоча по полу свободный его конец, варил кофе, доставал с верхней книжной полки «Остров сокровищ» Стивенсона и погружался в чтение до рези в глазах:

«– Трелони, – сказал доктор, – я еду с вами. Ручаюсь, что Джим – тоже и что он оправдывает ваше доверие. Но есть один человек, на которого я боюсь положиться.

– Кто он? – воскликнул сквайр. – Назовите этого пса, сэр».

Славная книга. Я откладывал томик в сторону, брался за компьютер: «Синку-Понташ – искать – фото». Снова рассматривал картинки, думал о брате Сергее.

Мне он представлялся загадочной и романтической личностью, а дугинские угловатые намеки на прошлое в письме говорили о том, что не от счастливой жизни Сергей уехал за тридевять земель, на крошечный островок посреди океана. Что же такого могло случиться? Впрочем, я не считал себя вправе размышлять о чужом прошлом.

Официант

1

Я умывался в туалете, когда объявили посадку на рейс до Порту. Накануне мне нужно было решить столько насущных вопросов, что поспал я лишь пару часов между двумя и четырьмя утра, а теперь еще и семи не было, как не было и сил у меня. Вода не бодрила, я проглотил две мятных конфеты, и они тоже не помогли.

На посадке все остальные пассажиры казались слишком шумными и веселыми, никто не говорил на одном со мной языке, зато друг с другом общались так оживленно, словно я летел в окружении целого семейного клана. Уютное кресло у окна манило сладостью сна – я задвинул заслонку, отгородившись от солнечного света, натянул на глаза маску и тут же задремал. Никто не тревожил меня до самого завтрака.

Только в двадцать шесть можешь сделать это – сесть на самолет и сбежать от проблем. Я спешно продал квартиру и мебель, оставил машину отцу, попросил передать ее Жанне в счет алиментов, купил валюту в мелких купюрах, собрал чемодан вещей. Никому не сообщил, куда улетаю, и не позволил отговаривать себя.

– Когда ты вернешься? – попытался отец, и я предпочел развести руками. Тяжело было решиться сказать ему, что сюда я не собираюсь возвращаться.

Никакого плана у меня не имелось, но дремля в нескольких тысячах метров над землей, я не беспокоился об этом. Будет день – будет пища; главное, что я начинаю с чистого листа. Новая жизнь, без прежних печалей.

Час сна подействовал на меня волшебным образом – люди вокруг стали казаться приятнее и дружелюбнее. Я даже попытался заговорить с соседкой-португалкой, дамой лет сорока, но та, по видимому, не знала ни слова по-английски или просто была не настроена флиртовать с небритым тощим дылдой с коричневыми кругами вокруг узких глаз. Она активно заулыбалась – они тут все улыбаются, по причине и без, – зашепелявила на родном языке, улыбнулась еще шире, как будто о чем-то спрашивала. Я пожал плечами и кивнул утвердительно. Тогда дама перегнулась через меня, отодвинула заслонку, и сквозь окно в лицо мне ударил яркий солнечный свет. О, чудесно.

Остаток полета я просидел, жмурясь от солнца и листая журналы на португальском. Наконец с привычным гулом стал опускаться самолет, земля внизу принимала очертания, ширясь под таящими облаками, дама рядом со мной загалдела на своем наречии, затыкала пальцем в стекло, пытаясь указать мне на что-то, я снова – на свой страх и риск – покивал.

Порту – зеленый, с высоты казался сплошным лугом. Потом, по мере приближения, обрастал сетью кварталов, дорог, темнел, и привычная городская серость поглотила восторги первых секунд в Португалии. Этой стране, где я оказался впервые, предстояло изменить меня, но меньше всего, спускаясь по трапу самолета, я думал о чем-то подобном. Волнение, которого до сих пор я не ощущал, наконец явилось.

Вот ты, Португалия. А это я, привет. Я, человек без прошлого, индеец Чистый Лист, да называй меня как хочешь. Только не Григорием Ржевским.

На такси я быстро добрался до гостиницы, бросил вещи в номере и отправился бродить по городу. Доехал на трамвае до Центрального вокзала, выпил кофе в кафе на углу, заглянул в местный магазинчик керамики – хотел купить сувенирных плиток, но вовремя вспомнил, что не турист здесь и подарков домой не повезу. Я ведь вообще не вернусь, так что...

Так что нечего разевать рот и любоваться, привыкай лучше к этим людям и их странному говору, парень. И до самого вечера (а темнело здесь значительно позднее) я шатался по тихим семейным кварталам, куда не пришло бы в голову потащиться туристу, потому что

здесь и делать-то нечего, и выглядело это нагромождение покосившихся кривых зданий-бандитов порой не слишком дружелюбно.

Закат я встречал у моста дона Луиша в компании англичанина Тима из Бирмингема. Тиму было шестьдесят два, в прошлом он строил корабли для британского флота, а теперь, выйдя на пенсию, каждые полгода отправлялся в путешествие в какой-нибудь портовый город. Наблюдать за тем, как скользят по воде суда, доставляло Тиму невероятное удовольствие.

Мы встретились на улице, когда я пытался уточнить адрес у группы подростков, плохо говоривших по-английски, а Тим услышал мой вопрос и вызвался помочь – он жил в Порту уже пять дней и на этом основании считал себя едва ли не экспертом в географии города. Поскольку срочных дел у нас обоих не имелось, было решено провести вечер в хорошей компании, то есть в компании друг друга. К тому же – вот так приятное совпадение – поселились мы в одном и том же отеле.

– Первое, что ты должен сделать в Порту, – сказал Тим, пока мы ждали своего заказа в прибрежном ресторанчике неподалеку от моста дона Луиша, – это попробовать местное вино. Нигде в Европе не делают вино так, как в Порту.

Вино подоспело сразу, чуть позже принесли дары моря, сыр, маслины в лодочках, причудливо нарезанный хлеб. С террасы открывался впечатляющий вид на старый город, усыпанный огнями вдоль линии берега, подсвеченный двухуровневый мост и черные силуэты веселых лодок, разрезавшие глянец воды.

Тим рассказывал мне о своем судостроительном прошлом, когда в зале появились музыканты, под аплодисменты сведущей публики выбрались в центр и без объявления номера заиграли. Мы сидели спиной к залу, лицом к реке, но тут же обернулись, заинтригованные оказанным двоим гитаристам приемом.

– А вот и второе, что нужно обязательно сделать в Порту, – сказал Тим. – Послушать фаду. Пойдем!

Он потянул меня в зал, и пока исполнительница, а это была молодая женщина с роковым взглядом, в браслетах и кольцах на тонких руках, с голыми плечами, видневшимися из-под небрежно брошенной шали, устраивалась на сцене под первые аккорды гитар, мы нашли свободные места и расположились в предвкушении зрелища.

Тим наклонился ко мне и негромко продолжил:

– Говорят, лучшее фаду – в Лиссабоне. Но, поверь повидавшему жизнь старику, то, как поют здесь, не сравнится ни с чем. Здесь тебя напоят музыкой допьяна, и к утру ты сам будешь готов запеть местные песни. Может, дело в том, что они понимают толк в вине?

Между тем длинноволосая португалка запела. На Тима тут же зашипели соседи по столикам, он приложил руку к груди в немом извинении и взглядом указал мне на певицу: «Слушай».

До сих пор я не считал себя способным к музыке, не различал нот, не мог настучать простого ритма. Как и многие, включал радио в бесконечной пробке, канал за каналом до не слишком надоедливой песни. Бывало, ставил симпатичную мелодию на повтор, пытался подпевать даже, копаясь в компьютере, мычал что-то себе под нос, но все это так, мимоходом, несерьезно. Слова «фаду» никогда прежде не слышал я, и даже теперь тяжело объяснить, что именно задела во мне в тот вечер монотонная с резкими надрывами, как сдерживаемое рыдание, песня в ностальгичном полусвете зала. Но стоило услышать ее – я пропал.

Двое грубоватых мужиков с гитарами сидели позади, она же, в черном платье, едва не роняя шаль, стояла в центре – зала, мира, моей души. Глаза закрыла, густые брови взлетели вверх, словно в невыразимом страдании. Ладони сложены, как в молитве, как в последней отчаянной мольбе, попытке докричаться до бога, до господина ее сердца, после которой еще шаг – и падение в бездну ада, где нет больше надежды на спасение. Грудь вздымается в страстном дыхании, по подножию млечных холмов влажно катятся света лучи. Вокруг смеха,

цокота бокалов, ножей, негромкого трепя – лишь ее голос слышен, лишь ее голос значит что-то, значит все.

О, как пела она! Как по изрезанным каменным глыбам водопада бурлящим потоком низвергается вода, стихала и взрывалась рыданием песня ее. Израненной львицей то замирала она на одной ноте, с тоской протяжно пластала ее, раны свои укутывала, то, судорожно сцепив пальцы, бросалась криком в безжалостную схватку из последних сил. Бесстрастные физиономии гитаристов за спиной певицы казались статуями, истуканами из плоти, а она, полная жизни и чувства, как будто ступала все ближе к пропасти, влекомая отчаянием собственного голоса и тихим безразличием звука гитарных струн. И слов не понять было, конечно, но я знал, о чем пела она.

«Мне ясно, наконец, что никогда не добраться до твоего сердца. Я увидела это во взгляде твоём, обращенном к другой, в ласковых речах, которыми ты пытался завлечь ее, в том, как подалась твоя грудь вперед, стремясь слиться с ее грудью. Таков ты, когда любишь, когда хочешь. Я смотрела на тебя с другой, и сердце мое пронзали тысячи кинжалов, ибо я еще помнила нас с тобой, помнила, что никогда ты не был так нежен со мною.

Я встретила тебя чуть больше года назад. Наша встреча не казалась предначертанной судьбой, ты был заурядным мужчиной, я – скромной, кроткою женщиной. Но время сближало нас, и моя душа потянулась к тебе, мое тело возжелало тебя, мои глаза не знали покоя, пока не встречались с твоими, на губах моих таял перезрелый мед страсти. Я раскрылась, как цветок, тебе навстречу, предчувствуя печальный конец, вдыхая твое равнодушие, но мне было все равно – полжизни, голос, сердце за один твой поцелуй, за одну ласку. И ты, вор в ночи, неразборчивый делец, почуявший дармовое добро, протянул руку и взял то, что с готовностью отдавали тебе. Взял меня, взвесил в руках, осмотрел со всех сторон: «Сойдет! Здесь, в пути, мы стеснены в выборе, и на время она мне сгодится».

Но время наше скоротечно... Время наше растаяло быстрее, чем догорела свеча, которую поставила я святому Доминику, молясь сберечь тебя от горестей, хвори и людского суда. Ты приник к моим губам, жадно напился соками моей любви и юности, повторяя после каждого исполненного негой выдоха: «Это не навсегда, это ничего не значит». А я упивалась болью твоих слов, болью, задуманной специально для меня, причиненной исключительно мне, моей, никем больше непрочувствованной болью. Когда клинок твоего кинжала входил мне в тело, я с улыбкой, за которой ты не увидел слез, ухватила за рукоятку и помогла вогнать его во всю глубину. Опьяненные вином и страстью, мы недвижимо глядели, как вытекает из меня алой рекой кровь, надежда и жизнь... Ты целовал меня, но не чувствовал жара губ, не услышал касанием руки, что разрывается в груди мое бедное сердце.

Теперь ты чужой. По-прежнему свободный, по-прежнему улыбка приветливо светит в глазах твоих, холодная и пустая. Ты не замечаешь, как умираю я рядом с тобой, и тысячи других женщин на века вперед отняли у меня даже крохи твоей былой нежности. Всю себя, всю себя я отдала без остатка, а ты сгреб в ладонь дары мои – маловат улов – бросил на землю, как раненую бабочку, и легкой поступью раздавил. Не дрогнул в сомнении ни на секунду, решительный, уверенный мой.

До твоего сердца мне никогда не добраться. Никогда ты не полюбишь меня и на крупицу того, как люблю тебя я. В этой одинокой комнате я сгораю от черной тоски по тебе, вспоминаю в слезах наше вчера, заклинаю вернуться в те дни, когда невозможное было так близко, так преступно близко, что до сих пор я чувствую тепло твоих рук на своих плечах.

Я люблю тебя, безнадежно люблю».

А может, и нет. Может статься, другие слова вздымались в раскаленный воздух ресторана, о других печалях пела эта красивая белокожая женщина, но я не верил, что мог ошибиться. Неощутимая ни глазом, ни слухом связь возникла между ее голосом и моим сердцем,

и она с первого слова будто читала его вслух под одобрительные хлопки собравшихся, под праздную болтовню и винный парок в воздухе.

Грубоватый язык, на котором они тут говорили, сухой, мычащий, – вот в чем заключалось таинство, – магически преображался в песне, согревал слух, а по душе вязкой патокой расплзлось такое странное чувство, точно пред тобой только что промелькнула жизнь твоя, с печалью и радостями, ты вспомнил драгоценные дни, которые безвозвратно ушли, мгновения счастья, навсегда утраченного, и тебе вдруг стало светло от этих воспоминаний и горько оттого, что былого уже не вернуть назад.

– Грегори, эй, Грегори! – окликнул меня, легонько потряс за плечо Тим. – Ты чего так загрустил?

Я вернулся из своих мыслей, поспешил заверить англичанина, что все в порядке. На смену певице и ее спутникам с гитарами пришел упитанный седоватый тип в джинсах и пиджаке, из-под которого гордо возвышался воротничок отглаженной белой рубашки. Затягивая уныло и трагично ноту, он задирает голову неестественно, демонстрируя дамам выбритый квадратный подбородок с мягкой ямкой посередине, а руки держал глубоко в карманах джинсов и ни разу за три песни не явил их публике. Аккомпанировали красавцу гусярского вида бородатый старик в огромных черных очках с инструментом, похожим на мандолину, и юнец с гитарой, хоть и тощий, но овалом лица и ямочкой на подбородке неуловимо напоминавший солиста.

Мы немного послушали мужское фаду, но впечатление от певицы, выступавшей первой, им, конечно, было не перебить, и Тим согласился, что самое время вернуться к нашему столу с чудесным видом на реку, закускам и вину.

Вино в самом деле «пело» не хуже фадистов. В рубиновых бликах темного, как сгустившаяся кровь, терпкого напитка я угадывал пропахшие влагой ржавые черепичные крыши вжавшихся друг в друга домов, башенные часы в тени арки, голубые изразцы во всю стену непримечательного еще с того бока здания, веревочки от балкона к балкону с развешанными брюками всех размеров, полотенцами и флагом страны. И эту страстную фадистку в черном, чьи молочные плечи прикрывала широкая шаль того же точно оттенка, что и вино в моем бокале.

Эх, мало я посмотрел в городе, мало: залитый искусственным светом в ночи, отраженный в зеркале речной воды, Порту возбуждал жажду познать его до самого доньшка. В узких, порой внезапно, как сама жизнь, приводящих в тупик портинских улицах, напитанных смесью странных запахов домашней кухни, несвежей постели, уксуса, сквозило родное мне, непонятно откуда взявшееся здесь, чувство дома. Не уюта даже, а простого осознания того, что ты уже в конце пути, никуда больше ехать не нужно, Одиссея закончена. Может, остаться, может, и правда остаться здесь?

Я уплел тарелку сыра в одиночку, пока Тим предавался воспоминаниям из своего богатого прошлого. Сорок лет на службе ее величества, инженер на корабельном производстве.

– Трудная ли это была работа? – спросил я.

Морщинистые глаза моего собеседника сузились, вокруг заплясали бесцветные короткие ресницы. Он оправил довольно на расслабленном брюшке футболку со смешной туристской гордой надписью о любви к Португалии.

– Всякая хорошая работа трудна. Когда не приходится преодолевать себя каждый день, начинаешь терять хватку, да и уверенность тоже. А нам, мужчинам, сам понимаешь, Грегори, нельзя без веры в себя, а в те времена и подавно. Когда я только пришел на производство, инженер-дипломант, худой, прыщавый, в маленьких таких очочках, попытался в первый же день дать указания рабочим, десятки лет протрудившимся на заводе, меня после смены подкараулили и объяснили, что это наверху моя ученая степень кажется значимой, а здесь придется все доказывать заново, на практике показать, чего стою, да еще и многому поучиться у простых рабочих парней. И я доказывал. И учился. Бывали порой случаи, когда я не соглашался, спорил

и проигрывал, когда совершал ошибки, но ни разу не подумал бросить все, даже если опускались руки. Несправедливо забраковывали мои проекты, не с каждым коллегой у меня складывалось, жена постоянно недовольна, что меня в выходные не бывало дома, что дети не помнят, как выглядит их отец... Но если любишь свое дело, сможешь все преодолеть, поверь, Григори. И даже еще больше себя уважать начнешь, когда трудности встретишь не страшась. Такова наша мужская сущность – работа должна быть трудна, только так она имеет цену.

– Главное, чтобы трудности не переломили хребет, – сказал я. – Бывают такие трудности, от которых лучше сразу уйти, даже если любишь свое дело.

– А может быть, ты его и не любишь, если быстро сдаешься? – спросил Тим и обновил вино в наших бокалах.

– Может быть, – неожиданно согласился я.

– Ты кем работаешь, Григори?

Холодок пополз от шеи моей к спине и груди. Я глотнул торопливо.

– Я-то? Я безработный. Свободный художник с дипломом юриста. И диплому моему – грош цена в базарный день. Выпьем же за новое начало, приятель!

– Выпьем за твою удачу, Григори. Не унывай.

Спустя полчаса в центре зала возник, напугав погодок голландской пары, едва достававших сандалиями до пола, сильно потеющий, взлохмаченный чернобровый мужичок в клетчатой рубашке, руки из-под закатанных рукавов которой уходили прямо в карманы брюк – национальная традиция мужчин-исполнителей фаду, видимо. Он затянул протяжный жалостливый рассказ о несчастной любви, как несложно было догадаться, и пел так звонко, что нам даже не пришлось перемещаться с террасы, чтобы послушать. Под аккомпанемент уже привычной странной мандолины стоял он, полный гордости и страдания, с томно зажмуренными глазами, а из-под густых бровей растекался по лицу пот, освещая его бликами. Голландскую мамашу на несколько мгновений даже перестали заботить собственные карапузы – так она застыла белокурой статуей, внимая скорбной песне несчастного влюбленного.

– А сейчас будет моя любимая часть, – подмигнул Тим.

На сцену вышла дама почтенных лет в черном, закрытом от ворота до пят платье и с той самой – или такой же – бордовой шалью, что и у первой певицы. Я приготовился слушать романс вроде нашего «Отцвели уж давно...», однако пожилой гусельник-мандолинист неожиданно бросился играть в быстром и веселом темпе, а дама почтенных лет пустилась в пляс, едва ли не вприсядку, размахивала шалью и горланила, как отпетая частушечница. Это было настоящее украшение вечера, потрясающий финальный аккорд, после которого мы с Тимом, захмелевшие и счастливые, покричали у моста, как любим друг друга и Порту, вызвали такси и к двум часам ночи вернулись в отель.

В тишине номера я, не включая света, разделся, вышел на балкон со стулом, сел под лунной, освещавшей озябшее голое тело мое, закурил. Я говорил себе: «Это новая жизнь, она должна начаться по-новому, и новые правила будут руководить ею. Последняя сигарета за упокой прошлого – больше я не курю. До свидания, Григорий Р., отныне ты всего лишь два слова в паспорте. Прощай, адвокатура – пусть я буду сбивать в кровь кулаки, борясь за то, что действительно люблю, но и пылинки не сдую ради дела, в которое больше не верю».

Потом бравада отступила, и я на время снова стал Григорием Ржевским, человеком с ворохом проблем в багаже. Иные из них я не осознавал даже, но ту единственную, ради которой могло сорваться с балкона и полететь хоть сейчас за тысячи миль сердце, лишь притворяясь, считал закрытой. Похоронена, но жива, моя любовь к женщине, родившей от другого. Я желал ей счастья, Богомоллов не мог мне нравиться, но я желал ей счастья с ним, если таков ее окончательный выбор. Только представлять себе, как это счастье живет, дышит, растет, как окутывает их двоих коконом блаженства и нерушимой искренности, было почти смертельно, так тяжело, что хотелось смотреть с балкона вниз до головокращения, на самом краю стоя.

Моя девочка, моя любимая... Зачем я душу себе разрываю, тискаю, воспоминаниями ядовитыми и сладкими отравляю? Я такой женщины не найду нигде больше, такого спелого не по годам плода из райского сада, бутона чайной розы, сорванного небрежно и оброненного на счастье другому. Ее умные, серьезные глаза, видевшие насквозь любую ложь, испытующе смотрели на меня, пока я силился понять, насколько крепко мое чувство, а когда ей наскучило, она исчезла, не спросив, как буду я без нее. Дикая кошка, неприрученная. Водила по моей спине пальцами, кончиками ногтей, языком, целовала в затылок, улегшись на меня сверху. «Угадай, кто?» – смеялась, просовывала коленку мне между ног, сползала медленно, лениво, на свою половину кровати и голая шла в ванную, дожидаясь хитро, когда же я прибегу следом, схвачу ее и принесу обратно, чтобы наказать, взять по-своему, приручить хоть на десять минут. Иногда я бросался вдогонку, иногда усталость и сон удерживали меня; как же я сейчас жалел о вторых «иногда»! Ненавидел себя за них, крепче соперника своего ненавидел.

Черт, да что же это! Что же это за...

Я вернулся в номер, закрылся с головой одеялом, стонал и вдыхал глубоко, чтобы отогнать слезы, пока не провалился в тревожный сон. Пьяный или трезвый, здесь или на краю земли, я, Григорий Ржевский, всегда буду носить с собой образ любимой женщины, которой никогда не вернуть.

2

Мой самолет вылетал в полдень. К завтраку мы с Тимом спустились вместе, он улыбался немного грустно, предвосхищая расставание, и мы смущенно беседовали, перебивая друг друга малозначительными комментариями. Да я и сам почувствовал, как удивительно быстро мы с этим британским пенсионером-путешественником запали друг другу в души – за первые полчаса знакомства, наверное. Он все улыбался, советовал мне, в какое кафе в аэропорту зайти перекусить, а глаза под вогнутыми бесцветными ресницами тускнели, и томительно вздымалось брюшко под футболкой с надписью: «Keep calm and love Portugal». Нас обоих объяла неловкость.

– Как же мне понравился Порту, и как мало его я посмотрел, – сказал я, отчасти потому что это было правдой, отчасти чтобы прервать тягостное молчание разыгранных улыбок.

– Оставайся, Грегори! Остайся еще хоть на два дня, я покажу тебе весь город, – надежда промелькнула в глазах Тима.

Я покачал головой, и она так же внезапно погасла, словно оброненный на асфальт фонарик.

– Я дал себе слово, не могу себя подвести.

Он грустно согласился и больше не настаивал. Мы вернулись к обсуждению пустяков, но меня не покидало болезненное сожаление: как же одинок и несчастен в своем одиночестве этот пожилой человек, как нужен ему я – а я беру и уезжаю. Быть может, думая так, я всего лишь пытался не воспроизвести в мыслях, как же одинок сам и как мне нужен сейчас кто-то вроде Тима рядом.

Когда пришло время, мы обнялись, он не сдержал стариковских всхлипов, но, собравшись, высморкался в платок и гораздо спокойнее, хотя бы внешне, попросил меня беречься и не вешать нос, что бы ни случилось. Перед самым уходом Тим нацарапал на листке свой адрес, и я обещал, что напишу ему между делом, сообщу новости. Мы оба знали: я этого никогда не сделаю.

Дверь за Тимом закрылась, и он навсегда исчез из моей жизни.

Странно все-таки: покинуть город, где я жил с рождения, оказалось не так сложно, но что-то словно разрывалось, расщеплялось до молекул во мне, когда я протягивал посадочный талон, погружался в капсулу самолета, летящего по маршруту Порту – прочь из Порту. Один

день – и ты пропал, уже не прежний, не понимаешь, как мог жить раньше, не зная его. Неизведанная ранее с женщинами, фантастическая любовь с первого взгляда настигла меня, не спросила, хочу ли я играть в эти игры. И все же остаться здесь было бы неправильно – что-то внутри меня настойчиво кричало об этом. Я не посмел последовать за сердцем.

И вот: «Пристегните ремни, добро пожаловать на борт...»

А внизу случайно ставший любимым город все меньше, все невыразимее тоска, все глуше.

Прощайте, рыжие крыши, дребезжащие трамвайчики, колокольня где-то вдали – прощай, Порту. Куда же лечу я? Все дальше от цивилизации, все дальше от реальности. Лучше и не думать об этом. Закрывать глаза, сном забыться. Уснуть и видеть сны...

Три часа спустя капитан объявил о готовности к посадке – я поспешно сорвал маску с глаз и вместе со многими счастливыми на местах у окна, поступившими так же, прильнул к иллюминатору. Мы уже миновали пелену облаков, и вид внизу открывался потрясающий. Всюду, куда хватало взгляда, расстилась синяя гладь океана. Солнце пускало в него серебряные блики, и синева неба сходилась с водой почти без склейки, даже не отследить где.

Наконец я увидел его – маленькую черную точку посреди океана, начинавшую расти, шириться, приобретать форму почти идеального пятиугольника. Через несколько минут невдалеке стали различимы еще два крошечных островка правее от пятиугольника, а у него самого показался портящий форму аппендикс, нелепой клешней, обращенной к островкам, упирившийся в воду.

Самолет стремительно снижался. Уже можно было различить дороги, дома, плотно сгрудившиеся вдоль одной из сторон пятиугольника, мощную гору прямо по центру острова.

«Но какой же он зеленый», – не верил я глазам.

Весь, весь зеленый, будто необитаемый, будто не XXI век с его вездесущими машинами, потребностью в свободном пространстве и небоскребами царил в этом мире, а возвращенное волшебным образом прошлое, как знать, сколько веков назад. И тут я сделал кое-что довольно странное: посмотрел на свой телефон и спрятал его поглубже в карман, потому что в затерянном мире, куда я готовился войти, моя последняя модель не то что неуместна, но даже оскорбительна.

Нам пришлось покружить над островом, прежде чем зайти на посадку. Без страха, а с азартным любопытством наблюдал я за приближением к земле: возможно ли вообще сесть на таком маленьком клочке суши? Посадочная полоса, когда ее в конце концов стало видно, казалась скроенной для игрушечных самолетиков, но, тяжело скрежеща колесами шасси, наш летательный аппарат сумел благополучно вкатиться и затормозить прямо у входа в здание аэропорта.

Взволнованный, я вышел на залитый солнцем трап, как киногерой, медленно натянул солнечные очки и огляделся. Сзади толкались пассажиры из хвостовой части, и мне пришлось поторопиться, а ведь момент был стоящим, и хотелось продлить его подольше.

Все, кто прилетел, едва сумели разместиться в стенах аэропорта, больше похожего на ангар. Я узнал, сверившись с табло, что они принимают всего один рейс в сутки, и один же отправляется ежедневно в Порту с острова. Никаких встречающих с табличками, радостных криков при встрече – судя по выражению обыденности происходящего на лицах прилетевших, маршрут был для них не в новинку, а остров этот более чем знаком.

Только двое загорелых серферов-блондинов, явно не отсюда, оживленно обсуждали что-то на шведском в очереди за багажом, и сквозь череду незнакомых слов я различал международные термины этой забавы – катания на доске. Шведы выглядели как мои ровесники или чуть младше, у одного из них слева на шее начиналась огромная уродливая татуировка в виде головы дракона, на левой руке она заканчивалась обвивавшим локоть драконьим хвостом, и я предположил, что это безобразие предстает во всей красе где-то в промежутке, в районе спины,

огромным черным драконьим туловищем. Оба друга были чрезвычайно похожи, и даже голоса их, и даже интонации, и, как повелось с первого дня, я различал шведов-серфингистов в основном по татуировке и ее отсутствию. Юноша с татуировкой дракона – Каспер, его приятель – Макс.

Пришло мое время представляться. Я пару вздохов помедлил, пробуя на язык собственную ложь, и назваляся:

– Тим. Меня зовут Тим.

– Алоха, Тим! – крикнул на весь багажный терминал Каспер с татуировкой дракона, крепко зажал мою ладонь в накачанной мощной руке, притянул к себе, стукнул локтем в локоть, рассмеялся, как подросток.

Тут же подбежал и Макс, хлопнул меня по спине, поинтересовался:

– А ты какими судьбами тут, чувак? Тоже приехал ловить волну?

– Нет, ребята, я не по этим делам. Я в жизни на доске не стоял, если честно.

Как ни удивительно, ответ на вопрос о цели моего визита на остров шведов вполне устроил, а вот факт моего неумения стоять на серфе – категорически нет. Они возмутились вопиющим недоглядом судьбы, оставившей меня без доски до моих преклонных двадцати шести, вернее – двадцати семи, потому что сегодня был мой день рождения, который я праздновать не собирался. Мои новые шведские друзья пообещали, да так, что это было немного похоже на угрозу, обязательно научить меня стоять на доске. Их громоздкий багаж выкатился на ленте сразу вслед за моим чемоданом, и мы втроем вышли из здания аэропорта, продолжая ничего не значивший разговор гирляндой банальных фраз.

– Куда вы едете, ребята? – спросил я блондинов.

Смеясь, ответили, что здесь впервые и еще не придумали, где останутся, но это должно быть что-то дешевое, потому что, без обиняков признались они, карманы их шведских джинсов едва позвякивают мелочью. Я посмотрел на улыбчивые, до красноты загорелые лица – на одно, на второе, на их засаленные футболки путешественников, сбитые носы походных ботинок да решительно вскинутые на плечи гигантские рюкзаки с явным перевесом по эконом-тарифу авиакомпании... Черт возьми, они были точно двое из ларца в старой сказке, бесконечно довольные жизнью оболтусы, для которых слетать на другой конец земли без цента за душой – сущее приключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.